

Джеймс Грейди

Последние дни Кондора

*Часть сборника
Шесть дней Кондора. Тень
Кондора. Последние дни Кондора
(сборник)*

Кондор

Джеймс Грейди
Последние дни Кондора

«АСТ»

2014

Грейди Д.

Последние дни Кондора / Д. Грейди — «АСТ»,
2014 — (Кондор)

«Группа захвата взяла его под наблюдение в дождливый вечер, опустившийся на улицы Вашингтона, федеральный округ Колумбия, в тот момент, когда он, подняв капюшон, выскользнул из окованной медью двери черного хода Адамс-билдинг – одного из трех зданий Библиотеки Конгресса, где работал на должности, скрывавшей его истинное лицо.» Когда дым горевших башен-близнецов рассеялся, Кондор прилетел обратно.

© Грейди Д., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	36
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джеймс Грейди

Последние дни Кондора

James Grady

LAST DAYS OF THE CONDOR

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis.

© James Grady, 1974, 1975, 2015

© Перевод. А. А. Загорский, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Глава 1

«Здесь что-то происходит...»
**Стивен Стилс. «Цена всему этому» (группа «Буффало
спрингфилд»)**

Группа захвата взяла его под наблюдение в дождливый вечер, опустившийся на улицы Вашингтона, федеральный округ Колумбия, в тот момент, когда он, подняв капюшон, выскользнул из окованной медью двери черного хода Адамс-билдинг – одного из трех зданий Библиотеки Конгресса, где работал на должности, скрывавшей его истинное лицо.

Он увидел белую машину. *Первый признак* того, что это был именно автомобиль группы захвата, – тонированные стекла.

Второй признак: как только капли дождя упали на синий капюшон, накрывавший его седовласую голову, двигатель машины вдруг ожил и тихонько заурчал. Белый автомобиль был припаркован вопреки всем правилам прямо на углу Третьей и Эй-стрит, застроенной таунхаусами улицы, идущей от территории, занимаемой Конгрессом, в глубь жилых кварталов по соседству с Капитолийским холмом.

Третий признак: хорошо заметный в насыщенном влагой воздухе серый хвост выхлопа. Хотя двигатель продолжал работать, автомобиль, по затемненным стеклам которого стекали струйки дождя, стоял на месте, не вливаясь в плотный поток катившего мимо транспорта.

Четвертый признак: никто из работающих в расположенном поблизости здании горожан, покинув службу, не подходил торопливой походкой к автомобилю и не садился в него, целуя в знак приветствия сидящего за рулем супруга или супругу.

Пятый признак: он чувствовал присутствие группы. Специалисты по восточным боевым искусствам говорили, что взгляд врага имеет вес и человек в состоянии почувствовать давление этого взгляда. Кевин Пауэлл, которому перерезали горло в каком-то амстердамском борделе в тот самый год, когда в Иране рухнул режим поддерживаемого ЦРУ шаха, настаивал на том, что нужно прислушиваться к собственным ощущениям, доверять интуиции. Тот, кто этого не делает, утверждал он, рано или поздно будет зарезан где-нибудь на ночной улице. Или в один прекрасный момент с криком проснется в комнате со стальными стенами без окон. В этот вечер понедельника седовласый мужчина, стоявший под холодным весенним дождем на одной из улиц Вашингтона, федеральный округ Колумбия, чувствовал чужое присутствие и знал, что означает это ощущение.

Раз, два, три, четыре, пять. Словно пальцы руки, которая была *группой захвата*.

Он бросил взгляд налево, на тротуар, идущий вдоль Адамс-билдинг, шесть этажей и подвальные помещения которого хранили огромное количество информации и самых разнообразных тайн. Дверь позади него могла выдержать удар врезавшегося в нее на полном ходу автомобиля.

На Третьей улице показался человек. Казалось, он просто собирается пройти мимо Адамс-билдинг. Это был белый мужчина, темноволосый, около сорока лет, на вид служащий, в строгом костюме и галстук, коричневом плаще и коричневых ботинках, явно не приспособленных для бега. Одна рука в коричневой перчатке сжимала зонтик, в другой мужчина держал мобильный телефон.

– Ты где? – довольно громко спросил он в микрофон у невидимого собеседника, плотно прижимая аппарат к щеке.

Мужчина вполне мог быть членом группы захвата, под видом безобидной телефонной беседы передающим остальным участникам команды некую информацию. Однако седовласый мужчина, стоящий на тротуаре, решил, что это не так. *Это был бы уже перебор.*

Человек с зонтиком и телефоном находился уже совсем близко, его коричневые башмаки разбрызгивали лужи на темном, мокром тротуаре.

Внезапно рядом с ним возникло сразу несколько прохожих, на вид обычных американцев, закончивших работу и торопящихся домой в этот вечерний час.

Если группа захвата, которая охотится за тобой, получила приказ на ликвидацию, в некоторых случаях лучше не пытаться скрыться, а сделать так, чтобы твое убийство было связано с повышенным риском демаскировки. Зная это, седой мужчина в плаще с капюшоном, сунув руки в карманы, двинулся прочь от Адамс-билдинг. Нет, он не побежал. Он смешался с группой из восьми прохожих, пятеро из которых прятались от дождя под раскрытыми зонтами.

Это был хороший ход – если только эти прохожие не входили в группу захвата.

В 2010 году израильтяне, чтобы ликвидировать в номере дубайской гостиницы одного из членов руководства группировки «Хамас», использовали команду из двадцати девяти агентов.

Разумеется, задание у группы захвата могло быть самого разного свойства – от ликвидации до обычного наблюдения. Вполне возможно, что ее участникам могли приказывать похитить его. Так или иначе, вполне возможно, что сейчас, идя по улице в районе Капитолийского холма, он находился среди тех, кто должен был это сделать. Однако ни от кого из окружающих его людей не исходили флюиды *охотника*. Все спокойно дошли до квартала ресторанов, который располагался на Пенсильвания-авеню, неподалеку от трех похожих на замки зданий палаты представителей. Мужчина вдруг почему-то вспомнил, как он когда-то ходил с приятелями в шестой класс школы. Ему даже показалось, что он почувствовал специфический запах металла и машинного масла, исходивший от велосипедов проезжавших мимо других ребят.

«Мы все – дети на велосипедах, – подумал он. – Стайка беззащитных птиц».

Прохожие обогнали его и, словно почувствовав исходившее от него напряжение, все как один свернули в сторону. Но он не бросился бегом следом за ними. Раньше, в молодости, ему приходилось много бегать, в том числе на длинные дистанции, – до тех пор, пока тело не воспротивилось этому из-за болей в коленях, травмированной спине и простреленном левом плече. Это произошло, когда он ненадолго приехал в Вашингтон. А прибыл он в американскую столицу как раз тогда, когда представители власти, управлявшие страной, владеющей одним из самых мощных в мире арсеналов ядерного оружия, спорили, допустимо ли заниматься оральным сексом в Белом доме. Именно во время той командировки в Вашингтон во время пробежки боль во всем теле заставила его принять решение: *он никогда больше не будет бегать ради удовольствия и поддержания себя в форме*. И ему пришлось примириться с этой мыслью, которую навязало ему беспощадное время.

Вспомнив об этом, он вспомнил и о другом. О том, например, что в Бейруте у быстро бегущего по улице человека было больше шансов выжить, если рядом оказывался ребенок. Местные снайперы предпочитали стрелять именно по детям – это помогало выманить из укрытий сразу нескольких взрослых, которые, не выдержав, пытались оказать сраженному пулей ребенку помощь. У него возникло желание броситься вперед, чтобы укрыться в какой-нибудь арке, но здесь, вблизи пересечения Третьей улицы и Индепенденс-авеню, никаких арок не было. Не было ни арки, ни велосипеда, ни густого черного дыма от подожженных на уличных баррикадах покрышек.

Соберись. Ты не в Бейруте. В этот зябкий, дождливый вечер ты находишься в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия.

Не забывай об этом.

Это вполне в твоих силах.

Разумеется.

У тебя на хвосте группа захвата.

В конце концов, должна же у тебя быть профессиональная гордость. Заставь их поработать, чтобы добиться своего, – какая бы задача перед ними ни стояла.

На Третьей улице, отходящей от загруженной транспортом Пенсильвания-авеню, движение одностороннее. Минуя Индепенденс-авеню, она устремляется прочь из города, в сторону окраины, создавая иллюзию возможности бегства. Проезжая часть у тротуаров с обеих сторон плотно забита припаркованными автомобилями – как со стороны здания Адамса, так и с противоположной, той, вдоль которой выстроились сплошной шеренгой таунхаусы. Во многих из них разместились общественные приемные конгрессменов и штаб-квартиры их комитетов политической поддержки. Это удобно: пешая прогулка длиной в два квартала и продолжительностью всего четыре минуты – и член палаты представителей, только что находившийся на рабочем месте, оказывается в помещении, откуда он на совершенно законных основаниях может пользоваться телефоном для сбора денег на предвыборную кампанию. Любая машина...

Разумеется, ты имеешь в виду белую машину группы захвата.

...любая машина, припаркованная рядом с Адамс-билдинг на Эй-стрит, в квартале от Индепенденс-авеню, будет вынуждена повернуть направо: других вариантов просто нет. Стартовав с того места, которое они выбрали для парковки, преследователи не могли, сорвавшись с места, помчаться по Третьей улице против движения, следуя тем маршрутом, по которому он всегда возвращался домой пешком. А значит...

Значит, скорее всего, группе захвата были известны возможные направления его движения. Выходит, они знали о его привычках – по крайней мере в общих чертах. Что ж, это неудивительно. Их информировали, что он не пойдет мимо них по Эй-стрит. Увидев, что он вышел на улицу и движется пешком в сторону Индепенденс-авеню, они выбрали вариант действий, предусмотренный для такого случая. Вероятнее всего, белый автомобиль свернет направо и вольется в общий поток машин – так, словно те, кто в нем сидит, никого не преследуют.

Затем они объедут вокруг квартала. Даже с учетом пробок и дождливой погоды они почти наверняка успеют оказаться на пересечении Пенсильвания-авеню и Третьей улицы вовремя, чтобы успеть увидеть, свернул ли он в сторону баров и ресторанов на Пенсильвания-авеню или, как обычно, пошел дальше в сторону Индепенденс. Весьма вероятно, что, пока он будет идти по тротуару рядом с потоком автомобилей, медленно продвигающихся от центра в сторону окраины, белая машина будет осторожно двигаться позади него таким образом, чтобы сидящие в ней не теряли его из виду, и так до самого дома.

Он ни разу не оглянулся, чтобы у преследователей не было оснований предполагать, что их заметили.

Вместо этого он внимательно разглядывал вывески ресторанов и сетевых кафе, в которых в это время дня сотрудники аппарата Конгресса пили пиво, а лоббисты – шампанское. Разглядывая освещенный желтыми лампочками дорожный знак, предписывающий всем грузовикам свернуть с Пенсильвания-авеню, которая проходила между комплексом помещений палаты представителей и известным всему миру зданием Конгресса США, он нарочно изо всех сил вывернул шею.

Он увидел полицейского, который стоял под дождем рядом с патрульной машиной, припаркованной у знака объезда. Если бы вдруг какой-то заблудившийся идиот водитель, везущий в кузове опасные химические вещества, или террорист-самоубийца, взявший грузовик в аренду и начинивший его взрывчаткой, способной снести два городских квартала,

проигнорировал знак, блюститель порядка должен был бы прострелить нарушителю колеса и остановить его, чтобы взрыв не уничтожил одну из важнейших частей механизма, управляющего Америкой.

Посмотрев за спину полицейскому, седовласый мужчина не без труда различил за деревьями, на расстоянии двух кварталов белый купол знаменитого строения, поблескивающий под струями дождя.

До и какое-то время после Уотергейтского скандала ФБР негласно содержало на Пенсильвания-авеню целое законспирированное отделение. Оно разместилось в одном из зданий, сдававшихся в аренду. Именно на него упал взгляд седовласого мужчины, когда он отвел глаза от обители американских законодателей. Тайный офис ФБР располагался в бетонном доме с невыразительным фасадом и подземным гаражом, двери которого всегда были закрыты. Мужчина узнал о нем тогда, когда *все это* только начиналось. Впоследствии о том, что серое трехэтажное здание принадлежит Федеральному бюро расследований, на Капитолийском холме сплетничали все кому не лень, включая законодателей и работников аппарата Конгресса. Если бы у кого-нибудь из них хватило духу и полномочий, чтобы поинтересоваться у ФБР, что именно находится в этом строении, представители ведомства ответили бы, что там располагается «бюро переводов».

Повинуясь сигналу светофора, он остановился на углу квартала, в котором находилось здание, где он теперь работал. Его взгляд был устремлен на Индепенденс-авеню. Легкий поворот накрытой капюшоном головы позволял ему боковым зрением контролировать поток транспорта, чтобы вовремя заметить появление в нем белого автомобиля.

На табло светофора продолжали пульсировать оранжевая надпись «СТОЙТЕ» и перечеркнутая косой белой чертой фигурка пешехода. Устройство отсчитывало секунды.

...30...29...28...

В 1998 году, незадолго до того, как совершить нашумевшее преступление, одинокий стрелок из Монтаны, убивший двух полицейских из охраны Конгресса, пытаясь прорваться в здание, посетил штаб-квартиру некой маргинальной политической группировки. Она в то время располагалась совсем неподалеку, на другой стороне улицы, как раз напротив того места, где сейчас стоял седовласый мужчина. Неизвестно, что побудило преступника, который был признан шизофреником и параноиком, нанести этот визит, но что-то заставило его это сделать. Оказалось, что в изножье кровати руководителя политической группировки, пользовавшегося непререкаемым авторитетом среди своих поклонников, стояла металлическая статуя Адольфа Гитлера в натуральную величину, а сподвижники лидера экстремистов незаконно, хотя и совершенно открыто, продавали то самое фальшивое лекарство против рака, которое не спасло от смертельного недуга кинозвезду Стива Маккуина. Разумеется, это было давно. Группировка давным-давно расторгла договор аренды и съехала, а ее руководитель уже много лет покоится на кладбище...

...3...2...1...

На табло светофора загорелась надпись «ИДИТЕ», и косая черта, преграждавшая дорогу фигурке пешехода, исчезла.

Надеюсь, ты доберешься туда, куда направляешься, телепатировал седовласый мужчина смешному изображению. Сам же он перешел дорогу и отправился дальше по своему обычному маршруту. Ему предстояло пройти восемь кварталов вдоль запруженной машинами Индепенденс-авеню.

Он не вздрогнул и не удивился, заметив боковым зрением в пелене дождя белый автомобиль, медленно продвигавшийся вперед в потоке транспорта.

На перекрестке Индепенденс-авеню и Четвертой улицы он, пересекая проезжую часть по пешеходному переходу, взял правее. Мужчина по-прежнему не оглядывался. Не смотрел он и по сторонам, надеясь, что белая машина заблокирована в пробке в паре десятков мет-

ров у него за спиной, а не находится в непосредственной близости. Подобравшись к нему вплотную, водитель вполне мог, резко нажав на акселератор, въехать на тротуар и сбить его, словно тряпичную куклу, а затем переехать колесами.

«Впрочем, такой способ ликвидации весьма ненадежен», – подумал мужчина и, по-прежнему не оглядываясь, приблизился к краю тротуара, чтобы свернуть налево и продолжить идти по обычному маршруту.

Не позволяй им почувствовать на себе твой взгляд.

Когда он миновал еще два квартала, дождь прекратился. В этот момент он проходил мимо длинных низких строений Восточного рынка – того самого, где юный Джон Эдгар Гувер когда-то работал разносчиком зелени. Разумеется, это было задолго до того, как будущий глава ФБР начал принимать участие в так называемых рейдах Палмера – массовых арестах и высылках левых радикалов.

Автомобили, в которых сидели торопящиеся домой мирные обыватели, с шипением обгоняли идущего по тротуару седовласого мужчину. Пройдя еще четыре квартала и приблизившись к углу Одиннадцатой улицы, он увидел, как из находящейся неподалеку химчистки вышел офицер военно-морских сил в белой фуражке и темно-синем кителе, но не усмотрел в этом опасности: мужчина знал, что в химчистку часто заходят офицеры расквартированного неподалеку командования корпуса морской пехоты.

Мужчина невольно вспомнил молодого капрала морской пехоты, который, спасая ему жизнь, погиб в Афганистане, так ничего и не узнав о человеке, ради которого пожертвовал собой. Обстоятельства смерти парня так и остались тайной для его семьи, жившей в Оклахоме.

Морской офицер, вышедший из помещения химчистки, уехал в мини-вэне с пустым детским креслом на заднем сиденье.

Мужчина с серебристой шевелюрой заметил в зашторенном окне химчистки небольшую светящуюся табличку «Ремонт».

Было бы хорошо, если бы это в самом деле было так.

Проходя мимо угла, мужчина бросил взгляд на табличку с адресом. Выкрашенный в голубой цвет двухэтажный кирпичный таунхаус был домом номер 309. К входной двери цвета морской волны вели четыре черные металлические ступеньки. Мужчина медленно поднялся по ним и, сунув ключ в скважину замка, наконец оглянулся.

Белая машина проехала позади него и, сделав разворот на сто восемьдесят градусов, припарковалась на одном из свободных мест у тротуара носом в его сторону. За темными стеклами по-прежнему ничего не было видно. Водитель заглушил двигатель. Из автомобиля никто не вышел, его двери и окна оставались закрытыми.

Повернув ключ в замке, мужчина нажал на ручку и открыл дверь. Глаз его уловил едва заметное движение вблизи бедра. Это был лист с куста, который он перед уходом аккуратно заправил в щель между косяком и дверью. Теперь лист спланировал вниз, но мужчина успел поймать его на лету на достаточно большой высоте, что позволило ему не наклоняться. Глядя со стороны, было бы трудно понять, что именно он делает. Этот фокус мужчина проделывал ежедневно. Листья он обрывал с кустов, принадлежащих соседям. Прошлым летом он в какой-то момент даже забеспокоился, как бы они что-нибудь не заподозрили – олени, бешено плодившиеся в парке Рок-Крик, обычно начинали шнырять по округе и объедать листья с кустов ближе к осени.

Никто, однако, ни разу не заговаривал с ним об оборванных листьях – даже жившая по соседству лохматая ведьма, которая вечно околачивалась у металлической решетки забора своего участка вместе с визгливой, истеричной собачонкой грязно-белого цвета. Ведьма то и дело выкрикивала, обращаясь неизвестно к кому:

– До Северной Каролины этому месту как до луны!

Она была не права, однако мужчина, как и все остальные соседи, ни разу не рискнул указать ей на это.

Лист, который он успел подхватить на лету, говорил о том, что в его отсутствие дверь не открывали.

Впрочем, вполне возможно, что кто-то все же побывал в квартире, а затем тоже вставил лист в зазор между филенкой и косяком, чтобы замаскировать свой визит. Быть может, этот кто-то и сейчас оставался в его жилище.

Черт бы их побрал.

Войдя в дом, он захлопнул дверь и прижался к ней спиной изнутри. Розовый свет выглянувшего из-за туч закатного солнца неярко осветил не слишком богато обставленную комнату. На стене над камином висела плоская телевизионная панель – на ее приобретении настояла специалист по размещению. Камин мужчина топил ненужными бумагами и дровами, которые продавцы из Западной Виргинии развозили по городу в кузовах пикапов в самые холодные месяцы. Зеленый диван являлся собственностью хозяйки дома, которой пришлось в спешном порядке уехать в Бостон, к месту новой работы. Ей же принадлежала и кровать с медным изголовьем в главной спальне на втором этаже, где он спал. Владельцем остальной домашней утвари – пары стульев и прочей мелочи вроде спутникового радиоприемника с колонками-усилителями – был он.

Никто не атаковал его в слабом розовом свете заката, проникавшем в комнату через закрытые створки жалюзи.

Пока.

Внутреннее пространство одноквартирного таунхауса составляло шесть шагов в ширину и двадцать один в глубину. Пройдя от входной двери в сторону кухни, мимо ванной комнаты под лестницей, мужчина окинул взглядом уходящие вверх коричневые деревянные ступени и увидел, что кусочек зубной нити, протянутый им поперек лестничного пролета, не оборван и не отброшен в сторону чьим-то ботинком, а находится там, где был оставлен.

Или его попросту вернули на место.

Что ж, если его преследователи настолько хороши и действуют так осторожно и профессионально, если сейчас они ждут его в спальне, спрятавшись в платяном шкафу, то и черт с ними: *в этом случае его уже можно считать проигравшим.*

Он проверил ванную комнату на первом этаже. Крышка унитаза была поднята, и все остальное выглядело точно так же, как и всегда. Взглянув в зеркало над раковиной, в котором он увидел только собственное отражение, мужчина откинул с головы капюшон.

На кухне его тоже никто не караулил. Дверь черного хода оказалась заперта, замок на решетке ограждения тоже был на месте. За решеткой находился крохотный дворик, посередине которого располагалась небольшая деревянная платформа. Из квадратного отверстия, сделанного в самом ее центре, тянулся вверх доходивший мужчине до пояса декоративный японский клен. Дворик был огорожен невысоким деревянным забором из серых выветрившихся досок, в котором имела неширокая калитка, снабженная щеколдой. Щеколда была закрыта, но любому, кто проходил вдоль забора, сразу же становилось ясно, что калитка лишь создает иллюзию безопасности.

Ему разрешили иметь в доме ножи – кухонные, предназначенные для приготовления пищи.

Специалист по размещению небрежно упомянула о том, что они ему нужны, когда они составляли список покупок во время визита в отдел обустройства жилья в Форт-Миде, между федеральным округом Колумбия и Балтимором, где располагалась официальная штаб-квартира Агентства национальной безопасности. Так у него появился кухонный комплект ножей для мяса, деревянная стойка для их хранения с приспособлением для заточки,

бритвенной остроты нож для приготовления филе, зубчатый хлебный нож и мясницкий тесак с широким лезвием, вид которого невольно напоминал ему о битве при Аламо.

Он подавил в себе желание вооружиться одним из этих клинков – слишком уж глупо было бы сидеть на диване в гостиной с ножом в руках в напряженном ожидании.

Плащ промок насквозь. Мужчина дрожал от холода. Раздевшись, он зашел в ванную, чтобы опорожнить мочевой пузырь. Затем, с шумом спустив воду, прошел в гостиную, повесил плащ на плечики и убрал в платяной шкаф.

Они были где-то снаружи. *Конечно, они были где-то снаружи – а как же иначе?*

Но сегодня они могли и не прийти за ним.

А могли и никогда не прийти.

Возможно, за ним всего лишь наблюдали.

Входная дверь цвета морской волны содрогнулась от стука.

Глава 2

«...есть вещи, о которых мы не знаем. Мы также знаем, что есть вещи, о которых мы не знаем».

Дональд Рамсфелд, министр обороны США

Фэй Дозье осторожно прикрыла за собой дверь автомобиля, который они припарковали на Одиннадцатой улице, расстегнула короткий черный плащ и несколько раз сжала и разжала кулаки, разгоняя кровь. Она с любопытством разглядывала голубой кирпичный дом с дверью цвета морской волны. На правом боку ощущалась приятная тяжесть кобуры с пистолетом.

Ее напарник Питер сильно хлопнул дверью, нисколько не заботясь о том, что этот звук кто-то услышит, как и о том, что кто-то, чье внимание привлечет этот звук, увидит, как Фэй, обходя машину, направляется к нему. На Питере был рыжевато-коричневый плащ, во внутреннем кармане которого явно лежало что-то явно более габаритное, чем книга. В руке Питер держал серебристый атташе-кейс.

– Не забывай, – сказал он, – на этот раз ведущая – ты.

– Почему мы занимаемся именно им? – спросила она, разглядывая дом и прикидывая наилучшие направления подхода к нему. – И почему сейчас? Его нет в сегодняшнем списке. После того, что мы проделали в графстве Принс-Джордж с линиями постоянного тока и с тем парнем из талибов, который очень хотел, чтобы его сын поступил в колледж, этот тип как-то выбивается из общей картины, так что...

– Нам в любом случае предстояло им заняться. Почему бы не сделать это сейчас?

Словно два ястреба, спорхнувшие с одной ветки, мужчина и женщина перешли дорогу и направились к дому.

– Тебе ведь все равно нечего делать сегодня вечером, верно? – заметил Питер и рассмеялся.

«Как в воду глядел», – подумала Фэй, понимая, что он ничего не знал, не мог знать. Никто не мог.

– На этот раз будь повнимательнее, салага, – бросил Питер.

– С каких это пор я стала салагой?

– Здесь, со мной, ты именно салага – без вариантов. И если ты ведущая, то только потому, что я так решил. Я считаю, что пора и тебе наконец заняться серьезным делом.

– Ты просто очаровашка.

– Мне все это говорят.

Они ступили на тротуар рядом с голубым домом с дверью цвета морской волны.

– Послушай, – сказал Питер, обращаясь к напарнице, которая, конечно же, не была неопытным новичком. Однако работать с ней по доброй воле он бы не стал. Фэй ему попросту навязали. – Не торопись. Сделай все по-умному, качественно, так, как надо. А потом, – добавил он, когда они подошли к лестнице из четырех металлических ступенек, – так же старательно подготовь рапорт.

– Погоди, а ты что будешь делать, пока я буду всем этим заниматься?

– Писать свой рапорт. Ты ведь сама сказала, что тебе сегодня вечером нечем заняться, – улыбнулся Питер.

– Я этого не говорила, – возразила Фэй и развернула левую ладонь. Только такой профессионал, как Питер, сумел разглядеть в этом незамысловатом жесте сигнал «держишь сзади».

Питер спустился с железных ступенек и расположился таким образом, чтобы уловить малейшее движение в окнах на обоих этажах голубого кирпичного таунхауса.

Фэй постучала в дверь цвета морской волны.

Глава 3

«...мы обливается потом в погоне за американской мечтой».
Брюс Спрингстин. «Рожденные бежать»

Именно так и решаются вопросы жизни и смерти.

Ты слышишь стук и думаешь, стоит ли открывать.

Распахнув синевато-зеленую дверь, он увидел *их*.

Женщину, стоящую у порога.

Мужчину, занявшего позицию в крохотном палисадничке, ограниченном черным металлическим забором.

Если они ликвидаторы, то она – стрелок.

Женщина, однако, продолжала стоять в дверном проеме, внимательно рассматривая хозяина дома зелеными глазами.

На вид ей было лет тридцать, может, чуть больше. Черный плащ расстегнут. Хорошенькая, но в уличной толпе на такую вряд ли обратишь внимание. Каштановые волосы, достаточно длинные, чтобы можно было сделать стильную прическу, но слишком короткие, чтобы их легко можно было захватить рукой. Овальное лицо без явных национальных признаков – весьма характерная история для современной Америки. Нос, который, похоже, немного подправил хирург. Ненакрашенные губы. В линии плеч угадывается нечто похожее на военную выправку. Руки свободно висят вдоль тела, по кистям видно, что оружие, скорее всего, привыкла держать в правой. Никаких колец. Темные брюки. Туфли без каблуков, позволяющие при необходимости как быстро бежать, так и нанести противнику резкий, болезненный удар ногой.

Она продолжала молча стоять в лучах закатного солнца, и дом через открытую дверь наполнялся запахом закончившегося дождя.

Ожидание. Самая трудная вещь на свете.

Ожидание подходящего момента. Появления цели. Движения, на которое необходимо будет среагировать.

Мужчина, стоявший за ее спиной и страхующий женщину, откашлялся. *Его лицо кажется знакомым...* Он явно старше. Лет пятьдесят, белый, лысый. Под плащом угадываются мощные мышцы. В левой руке серебристый кейс, правая висит вдоль тела, ладонь разжата. Он обеспечивает прикрытие, то есть следит за действиями того, кто открыл дверь, а также фиксирует любое движение внутри дома, в том числе наблюдает за окнами. И все же то, как он откашлялся, выдало в нем руководителя, а не подчиненного. Или, может быть...

– Как ваши дела? – спросила женщина.

Скажи ей правду.

– Я не знаю.

– Мы можем войти?

– Ты не можешь сказать «нет», приятель, – подал голос мужчина.

– Я мог бы, но что это даст? – сказал хозяин дома и, повернувшись, двинулся внутрь.

Визитеры последовали за ним. Мужчина в рыжевато-коричневом плаще закрыл дверь, отделив внутреннее пространство дома от остального мира.

– Черт возьми, надеюсь, вы тот, кто нам нужен! – произнесла женщина с неискренней улыбкой. – Вас зовут...

– Я всегда ненавидел имя, данное мне при рождении: *Рональд*. Какое-то время я, кажется, был *Джо*. Иногда мне приходилось носить другие имена – *Рауль*, *Ник*, *Жак*, даже, как ни странно, *Синь Чу*.

– Называй его... – начал лысый мужчина.

Питер! Лысого, который страховал женщину, зовут Питер.

– ...Кондор.

Вот так.

– Это ошибка, – сказал седой мужчина.

– Почему? – спросила женщина.

– Потому что агентство меняет кодовые имена сотрудникам. Раньше Кондором был Фрэнк Старджис, парень, который имел какое-то отношение к Уотергейтскому делу. Потом я. В те времена, имея кличку, я чувствовал себя так, будто во мне живут два разных человека – реальный я и мой кинодвойник, более умный, внешне более привлекательный, более правильный. Пока я сидел взаперти, мое кодовое имя перешло к другому. С тем, кому оно досталось, что-то стряслось – мне так и не сказали, что именно. Но меня снова стали называть Кондором.

– Какое у вас сейчас агентурное имя? – спросила женщина.

– Вин.

– Почему Вин?

– Так зовут моего любимого героя из фильма «Великолепная семерка». Его сыграл Стив Маккуин.

– Меня зовут Фэй Дозье. Как мне все-таки вас называть – Кондор или Вин?

– Решайте сами.

Лысый Питер поставил серебристый кейс на пол и достал из кармана плаща айпад.

– Инструкцию помнишь? – деловито поинтересовался он.

– Значит, это мое первое тестирование в домашних условиях после моего возвращения в систему?

– Раньше он был куда симпатичнее, верно? – спросила Фэй, взглядом указывая на Питера.

– Волос у него точно было больше.

– Я тогда был лысый, как... ладно, не важно.

Фэй увидела искорку в глазах Кондора-Вина. На его губах появилась едва заметная улыбка.

– Сними ботинки и встань к стене, вон туда, к радиоприемнику. Прижмись к ней спиной и сведи пятки вместе, – скомандовал Питер.

«Попробуй незаметно согнуть колени», – приказал себе седовласый мужчина, стоя на полу в черных носках. Это даст возможность немного уменьшить рост.

Питер навел на хозяина дома экран айпада.

– Не двигайся, – сказал он.

Мелькнула вспышка, раздался негромкий щелчок – сработала встроенная фотокамера.

– Повернись направо, лицом к радиоприемнику, – велел Питер.

– Вы любите слушать радио? – поинтересовалась Фэй. – Что именно – наверное, новостные станции?

Еще одна вспышка, сопровождаемая щелчком.

– Мне повезло. Я могу позволить себе радио, которое получает информацию со спутников. Причем не только новости.

– Ты еще расскажи ей про послания из открытого космоса. – В голосе лысого мужчины с айпадом в руках зазвучали презрительные нотки. – Повернись ко мне другим боком.

– Она про это и так знает.

– Нет, не знаю.

– Еще как знаете. Представьте, вы занимаетесь какими-то своими делами, думаете о чем-то своем, может быть, сидите за рулем. И вдруг из радиоприемника раздается песня, и

вы, где бы ни находились и что бы ни делали, вдруг понимаете, что она попала вам прямо в сердце. Это послание, которое приходит откуда-то с просторов Вселенной и задевает самые чувствительные струны в вашей душе. И когда вы слышите его, у вас возникает какое-то особое, непередаваемое чувство... да!

Щелк.

– А новости, которые передают по радио, я не люблю. Какие-то неведомые мне люди, которых я даже не вижу, что-то мне рассказывают... Нет, это не по мне. Зато музыка, которая слышится из динамика радиоприемника, дает нечто очень важное, говорит что-то обо мне, обо всех людях. Это как поэзия. Или кино. Или захватывающий роман.

– Но есть ведь такие радиопередачи, которые непосредственно касаются вашей реальной жизни, – заметила женщина.

– Да.

– Значит, у него в голове не голоса, а аккорды, – пробормотал Питер.

– А вам что помогает примириться с действительностью? – спросил, обращаясь к нему,

Кондор.

– Мне? – Питер покачал в ладони айпад. – Я выполняю программу.

– Как вам работается? Есть какие-нибудь проблемы? – обратилась к Вину Фэй.

– Никаких. Я появляюсь, делаю что положено. И отправляюсь домой.

Пройдя на кухню, Фэй открыла холодильник.

– Так, что у нас тут? Молоко – надеюсь, оно свежее. Контейнеры с какими-то остатками. Масло. Ванильный йогурт. Голубика. Этот хлеб, похоже, заплесневел. Слушайте, зачем вам столько вареного риса? Вы, наверное, любите китайскую еду.

– Как и все.

– Похоже, вы в хорошей физической форме.

– Я регулярно делаю гимнастику тайцзи.

– Вы всегда застилаете постель? – поинтересовалась женщина, увидев беспорядок, царивший на втором этаже, с которым явно диссонировала аккуратно заправленная кровать с изголовьем из медных прутьев.

– А кто станет делать это за меня? – пожал плечами хозяин дома. – Это одна из привычек любого бывшего заключенного. Своего рода синдром.

Фэй, открыв платяной шкаф, взглянула на висящую внутри одежду. Питер сфотографировал ее на айпад.

Затем женщина направилась в ванную комнату и внимательно ее осмотрела. Сиденье унитаза было поднято. На кронштейне для душа висело голубое полотенце. Фэй открыла зеркальную дверцу шкафчика, подвешенного над раковиной.

О черт.

На двух полках шкафчика выстроились, словно солдаты на параде, ряды флаконов с таблетками, которые обвивали язычки рецептов. Большинство названий на этикетках заканчивались на «зин» и «мин». Кроме того, в них часто встречалась буква «экс». Таблетки и пилюли были самые разные – голубые, белые, желтые, зеленые. Круглые, сферические, словно мячики, овальные. Гелиевые капсулы, желатиновые капсулы. Несколько препаратов предназначались для людей, страдающих атеросклерозом.

– Я видела по телевизору рекламу этого лекарства, – сказала Фэй, указывая на один из флаконов. – В том ролике были обнаженные мужчина и женщина, в сумерках сидевшие где-то на открытом воздухе рядом друг с другом, каждый в своей ванне.

– В дневное время этот препарат тоже бывает полезен для парней вроде меня... с некоторыми проблемами.

– Вот как? – Фэй вперила в Вина пристальный взгляд. – И как же ее зовут?

– Той, кого вы имеете в виду, не существует.

– Хорошо, пускай это будет он – мне все равно...

– Для того, чтобы у человека возникли к кому-то некие романтические чувства, мало просто выпить пиллюлю.

– Расскажите мне о вашей личной жизни. – Взгляд женщины немного смягчился. – Есть ли у вас кто-то сейчас? Если нет, то кто был вашим близким человеком в последнее время?

Ярко-красные губы шепчут: «Тсс».

– Мне трудно ответить на этот вопрос.

– Есть много разных лекарств, которые необходимы мужчинам, которым постоянно хочется в туалет. Вероятно, ваши доктора выбрали то, что подходит вам лучше всего.

– Думаю, вы совершенно правы.

Фэй посмотрела на Кондора, затем снова перевела взгляд на ряды флаконов. Ее глаза скользнули по расписанию приема медикаментов, прикрепленному скотчем к внутренней стороне дверцы шкафчика.

– Тринадцать таблеток в день, – произнесла она.

– *Каждый должен быть одурманен*, – сказал Вин и, взглянув на Фэй, понял, что, несмотря на молодость, она узнала цитату из Боба Дилана.

– Есть хоть что-то, от чего вас не пытаются лечить с помощью таблеток?

– Рак и сходные с ним заболевания-убийцы. Ими я вроде бы не страдаю.

– Вы часто думаете об убийцах?

– Вы серьезно? Странно слышать этот вопрос от вас.

Питер тяжело протопал мимо ванной комнаты на второй этаж.

– Какой у вас диагноз? – спросила женщина.

– Посттравматический стресс. Параноидальный психоз. Утрата чувства реальности. Депрессия. Бредовый синдром. Тревожность. Могу добавить еще несколько заумных формулировок.

– И что это означает в практическом смысле?

– Иногда мне кажется, что все происходящее со мной – это кино. Я словно теряюсь во времени. Порой меня мучают воспоминания. Таблетки помогают с этим бороться. А тут еще и вы появились. Похоже, делается все возможное, чтобы я мог забыть прошлое и жить дальше.

– И как же все это происходит? Я имею в виду ваши воспоминания.

– Это похоже на вспышки в мозгу, которые высвечивают то, что случилось когда-то давно. Я словно вижу сны. Передо мной проходят призраки прошлого. Но в целом я в порядке. Мое состояние вполне рабочее – не хуже, чем у любого другого.

Судя по звуку, Питер вошел в забитую хламом кладовку и принялся делать снимки там.

– Имена, лица – все это ускользает из моей памяти, – снова заговорил Кондор, он же Вин. – Память вообще очень избирательна. Взять, к примеру, Кевина Пауэлла. Я могу сказать вам, как он умер, но кто он был такой... Я помню Виктора и еще четырех человек, вместе с которыми меня держали в секретном заведении для умалишенных, принадлежащем ЦРУ, а своего первого руководителя в Агентстве – нет. Помню, как читал книжки, помню слова «секция девять, департамент семнадцать» – там происходило что-то такое, о чем я не могу даже думать. *Не заставляйте меня думать об этом, не надо.* Ясность наступила, когда в прошлом году я вышел на свободу. Все, что происходило до этого, – как в тумане. Я помню первую женщину, которую увидел обнаженной, но не тех людей, которых убивал. Иногда, размышляя о смерти, об убийствах, я почему-то начинаю ощущать запах мужского туалета. Помню переулки в Бейруте. Бары в Амстердаме. Аэродромы в джунглях. Какую-то забега-ловку в Бруклине. Скоростные автострады в Лос-Анджелесе. Как меня подстрелили. Как сам стрелял в ответ. Как сломать человеку шею. И еще – как я бреду по улице какого-то города, название которого не могу вспомнить, и по шее у меня бегут мурашки. Да, и еще одно: что

мое любимое оружие – автоматический пистолет «Кольт-девятнадцать-одиннадцать» сорок пятого калибра.

– В вашем состоянии происходят какие-то изменения?

Солги.

– Нет, не вижу никакой динамики. Во всяком случае, пока я принимаю наркотики.

– Лекарства, – поправила Кондора женщина.

– Разве лекарства принимают не для того, чтобы состояние улучшалось? – улыбнулся он.

Женщина пожала плечами. Его вопрос вызвал у нее ответную легкую улыбку.

– Если исходить из диагноза, то для меня лучше всего – оставаться в неведении по поводу того, что сидит где-то в глубинах моей памяти.

– Но ведь это «что-то» все равно там есть.

– Вы так считаете? Что ж, возможно, вы правы. На самом деле сейчас я точно знаю только то, что нахожусь здесь и занимаюсь чем-то, что имеет отношение к работе. Но иногда... Иногда у меня возникает странное видение. Мне представляется, что я сижу на скамье в парке. Погода просто прекрасная, надо мной голубое небо, кругом деревья, зеленая трава. Стоит полная тишина, если не считать какого-то едва слышного свиста. Я чувствую запах человеческого пота. На коленях у меня айпад. На его экране я вижу изображение, которое транслируется с беспилотника: тонкие, словно кисея, облака и земля где-то далеко внизу. Потом я начинаю различать здания, они все ближе и ближе. Затем в центре экрана появляется изображение какого-то парка. Я вижу скамейки и понимаю, что если буду продолжать сидеть на месте, следующим, что предстанет передо мной на экране айпада, будет мое собственное изображение.

Она смотрит на тебя, приоткрыв рот от удивления.

У порога ванной комнаты, блестя лысиной, возник Питер, захлопнул крышку алюминиевого кейса и сказал:

– Вы не могли бы выйти, чтобы я сделал еще несколько снимков?

Оказавшись в холле, Фэй указала взглядом на спальню и кладовую.

– Я нигде не видела компьютера. Он у вас есть? Может быть, лэптоп? Или таблетка? Вы ведете дневник или, скажем, журнал своих видений?

– Нет. Я соблюдаю все условия, которые были мне поставлены. Вам прекрасно известно, что возможностей моего сотового телефона едва хватает для того, чтобы позвонить на линию «Агент в сложной ситуации». К тому же у вас есть все записи прослушки.

Из ванной комнаты послышался щелчок сработавшей фотокамеры айпада.

– Эй, Кондор! – проорал Питер. – Ты ведь знаешь, анализ мочи все равно все покажет, так что скажи честно: ты все еще покупаешь тот напиток у антрополога из Смитсоновского института?

Щелчок.

– Меня снабжает им один поставщик травы.

В ухмылке Питера, вышедшего из ванной, не было ни тени сочувствия.

– Если попадешься на этом, тебе конец.

– В таком случае, полагаю, нам всем следует быть осторожными.

– Что это еще за напиток? – поинтересовалась Фэй.

– От него я испытываю эйфорию. Мне, во всяком случае, так кажется. По крайней мере при наличии в организме всех тех таблеток, которые я пью. Еще я время от времени выпиваю пару стаканов красного вина – но это, считайте, по рекомендации врача, чтобы прочистить артерии и вены.

– Как бы то ни было, – произнес Питер, открыв свой серебристый кейс, – снимай штаны и напуди-ка мне вот в этот пластиковый контейнер, чтобы я мог сделать анализ.

С этими словами он черным маркером написал на прилепленной к контейнеру белой наклейке «Кондор».

– Извините. Я опорожнил мочевого пузыря как раз перед тем, как вы постучали в дверь.

– Твою мать! – недовольно воскликнул Питер.

– Это вы мне? – осведомился хозяин квартиры.

На лице Фэй промелькнула тень улыбки.

Она смотрела этот фильм? Или это относится к тебе? А может, она пытается оценить полученную информацию и не успевает контролировать собственное лицо?

Питер помахал рукой, в которой был зажат пластиковый контейнер.

– Я видел у тебя на плите стеклянный чайник с холодным кофе, – заявил он. – Полагаю, он был сварен сегодня утром. Так вот, я налью чашку, разогрею ее в микроволновке, и ты выпьешь ее по-быстрому, даже если будет горячо. Вскоре после этого тебе не составит труда наполнить эту посудину, и тогда мы сможем убраться отсюда.

– С молоком.

– Что? – не понял Питер.

– Я люблю добавлять в кофе молоко. Это не займет много времени.

– Мать твою, – выдохнул Питер и тяжело затопал вниз по лестнице.

– *Мать твою*, – повторил Вин задумчиво. – Интересно, будут ли у меня когда-нибудь дети.

Он перевел взгляд на Фэй и моргнул.

– По возрасту вы вполне могли бы быть моей дочерью.

– Вы совсем не похожи на моего отца.

– Почему?

– Потому что вы здесь, – ответила женщина и отвернулась – пожалуй, слишком поспешно. – Нам следует находиться рядом с Питером.

– Если бы я спросил, равны ли вы с ним по уровню полномочий, что бы вы ответили?

– А вы как думаете?

– Он из внутренней безопасности и работает там так давно, что не важно, чем он занимался до этого. А вы... Думаю, вы из фирмы. Моей прежней фирмы. ЦРУ.

– Мы оба работаем в отделе внутренней безопасности.

– Это был ваш выбор?

– Пойдемте вниз, – предложила Фэй и начала медленно спускаться по ступенькам. – Кстати, где вы припарковали свою машину?

– Вы же знаете, мне не разрешается иметь машину, – ответил Кондор, оставаясь на верхней площадке лестницы. – Так что мое водительское удостоверение – это просто бумажка, которую я таскаю в кармане по привычке. Но я помню, что мне приходилось водить автомобиль. Иногда у меня в мозгу возникает картина – я сижу за рулем, а машина рыскает из стороны в сторону на черном льду.

Вин зашагал вниз следом за Фэй.

– Вам повезло, что станция метро совсем рядом, – заметила женщина, когда они оказались в гостинной.

– Но это же голубая ветка.

– Ну да, но ведь с нее можно попасть на...

– Я не люблю ездить по голубой ветке.

На кухне звякнул сигнал микроволновки.

– То есть...

– Голубая – это голубая. А мне нравится красная линия.

Фэй закрыла глаза и потерла переносицу кончиками пальцев. У нее не было лака на ногтях. И никаким парфюмом от нее не пахло. Она широко распахнула глаза.

– Глаза устают? – спросил Кондор.

Женщина пожала плечами.

– Возможно, это оттого, что у вас машина белого цвета. Он обычно сильно бликует – даже затемненное стекло не помогает, – предположил Кондор.

– Мы приехали сюда вовсе не на белой машине, – сказала Фэй.

Глава 4

«Гулянка зомби».
Кингстон Трио

Фэй распахнула дверь цвета морской волны и вышла в зону поражения.

Наиболее безопасным для нее было бы, не пересекая проезжую часть, двигаться вдоль края тротуара, укрываясь за припаркованными автомобилями. Они по крайней мере могли бы обеспечить ей хотя бы частичное прикрытие от тех, кто сидел в белой машине с тонированными стеклами в конце квартала, на противоположной стороне улицы.

Она сошла с металлических ступенек крыльца и проскользнула между двумя ближайшими машинами, представив, как прикрывающий ее Питер, сидя на корточках у окна дома из голубоватого кирпича, беззвучно ругает ее на чем свет стоит.

Питер всегда предпочитал самые безопасные сценарии. Подумав об этом, она вышла на проезжую часть Одиннадцатой улицы и, пересекая ее по диагонали, двинулась к белому автомобилю. Ее отделяли от него одиннадцать машин... девять...

Фэй услышала, как двигатель автомобиля заработал.

Не поднимай руки, держи их внизу, приказала она себе.

Мотор взревел, взвизгнули покрышки.

Фары белого автомобиля вспыхнули, словно глаза дракона.

Фэй замерла на месте, как олень на загородном шоссе, парализованный светом приближающегося грузовика или автобуса.

Белая машина сорвалась с места, мгновенно развернулась на сто восемьдесят градусов и умчалась. Красный свет задних габаритов растаял в наступающей темноте.

Фэй нажала кнопку «стоп» на корпусе айфона, который она незаметно держала в правой руке, направляя дисплей в сторону белого автомобиля.

– Здесь ровным счетом ничего, – заключил через пять минут Питер, глядя на экран устройства. Они сидели на кухне, в которой пахло горячим кофе.

На экране айфона был виден тротуар, машины, между которыми Фэй протиснулась, прежде чем выйти на проезжую часть, затем ряд автомобилей, припаркованных на противоположной стороне улицы. Промелькнули верхушки деревьев с голыми ветвями и скаты крыш. Затем – яркий белый свет фар и удаляющиеся красные огни задних габаритов...

– Ну что ж, белая машина – все-таки кое-что, – вздохнул Кондор. – Значит, она мне не померещилась.

– Не померещилась? – переспросил Питер. – Ты сказал, что белый автомобиль следовал за тобой, когда ты шел домой. Однако мы его не видели. По-твоему, мы сумасшедшие? Да, какая-то белая машина была припаркована неподалеку от твоего дома, но... уехала. И что?

– А вы как думаете? – спросил Кондор, глядя на Фэй.

– Не знаю, что и думать, – ответила она.

– Это тоже кое-что, – усмехнулся Кондор.

– О да, – подхватил Питер. – Возможно, верное понимание этого факта придет к ней в виде озарения, когда мы будем возвращаться на базу. Что до меня, то я думаю, что ты просто наглотался какого-то травяного дерьма незадолго до того, как мы постучались в твою дверь, – вот и несешь всякую ахинею. А теперь возьми контейнер, сними штаны и сдай наконец мочу для анализа, чтобы мы могли отправиться восвояси.

Кондор взял из рук Питера пластиковый сосуд.

– Теперь я задам сугубо официальный вопрос, – снова заговорил Питер. – Можем ли мы, представители благодарной нации, что-нибудь для тебя сделать?

– Вы уже все сделали, – суховадно ответил Кондор и, переведя взгляд на Фэй, добавил: – Я лично ничего против не имею, но вообще-то смотреть на это не обязательно.

С этими словами он расстегнул брюки и дал им соскользнуть вниз.

Фэй вышла из кухни и отправилась в гостиную. Там, ступая по разбросанным по полу обрывкам газет, она принялась разглядывать прикрепленные кнопками к стене какие-то бумажные клочки и обрывки, которые почему-то показались ей похожими на странные талисманы.

Возможно, потому, что ей были известны ее дальнейшие действия, Фэй удалось без труда заставить себя думать о Кондоре как о Вине. Перед ней был седой мужчина с голубыми глазами, которому медики из Агентства наверняка сделали лазерную насечку роговицы, чтобы увеличить остроту зрения. Выступающие скулы, чисто выбритый подбородок. Мужчина явно был хорошо тренирован, однако по его виду чувствовалось, что десятилетия тяжелых физических и психологических нагрузок дают о себе знать. И все же в нем ощущался какой-то внутренний стержень, нечто такое, что говорило – он все еще в деле. *Может, его диагноз не дает о нем полного представления?*

– Вин, я положила на каминную полку карточку с моими телефонами в отделе внутренней безопасности.

Питер защелкнул замки своего серебристого чемоданчика.

– У него столько номеров горячей линии «сотрудник в опасности», что он не сможет использовать все, даже если захочет, – пробормотал напарник Фэй. – Да еще запасные контакты. Поехали отсюда.

– Если вы снова увидите эту машину, – сказала Фэй, не обращая внимания на явное нетерпение Питера, – или еще что-то подозрительное... *Позвоните.*

Выходя на улицу, она одарила Вина улыбкой, в которой чувствовалась искренняя теплота. Как только за ней и Питером закрылась дверь, улыбка исчезла, и Фэй с яростью напустилась на одетого в рыжевато-коричневый плащ напарника-руководителя:

– Черт бы тебя побрал! Почему ты был с ним таким бесчувственным?

Питер остановился посреди улицы и резко повернулся к Фэй. Отразив луч фонаря, его серебристый кейс блеснул в темноте, словно рыбий бок.

– Послушай, есть всего два типа людей...

– Чушь! Есть очень много типов людей – столько же, сколько самих людей! И если ты, делая свою работу, проявляешь грубость и неуважение к этому человеку, не надо прикрываться фразами вроде «есть мы и все остальные».

– Я хотел сказать, что наше дело в конечном счете формирует два типа людей. Агентов, которые в итоге устают настолько, что становятся равнодушными. И других – таких, которым с самого начала на все плевать.

– Но мы, между прочим, занимаемся вопросами, связанными с национальной безопасностью. Мы без конца проверяем пожилого человека, который бежал из СССР, от советских спецслужб. Он отсутствовал почти столько же, сколько ты живешь на свете. И в то же самое время мы тщательно следим за тем, чтобы террорист из Аль-Каиды, который сдался нам в Марокко шесть лет назад, регулярно получал выплаты, предусмотренные договоренностью. А он сидит на своей заднице у себя в камере и ничего нам не говорит, кроме того, что мы и так уже знаем. По тому, как ты вел себя с Кондором, я вижу, что ты не из тех, кому с самого начала было на все наплевать.

Питер покачал лысой головой.

– Значит, меня записали в разряд уставших и равнодушных. Но если человек устал и стал равнодушным, это уже навсегда. Ну а твоя проблема в чем? Начала на что-то такое, на что чихать не следовало?

– А что, если я пристрелила моего прежнего агента-супервайзера.

– Ну и положить мне на это, – заявил Питер. – Даже если ты сделаешь то же самое сейчас, мне все равно. По-моему, ты тратишь слишком много эмоциональной энергии на этого старого торчка Кондора.

– Ты же видел, сколько лекарств у него в аптечке. Похоже, его сознательно глушат препаратами.

– В таком случае ему повезло. Руки, ноги, член у него на месте. Он вполне в состоянии обналичить чек и получить пособие как агент, отошедший от дел. И целая толпа людей, в том числе мы с тобой, следит за тем, чтобы с ним все было в порядке. – Питер нацелил на Фэй указательный палец. – А кто будет следить за тем, в порядке ли мы?

– Может, он это заслужил. Когда выполнял какую-нибудь трудную миссию, которая подорвала его силы.

– А может, – подхватил Питер, – мы приставлены к нему в качестве няnek, чтобы ему не было скучно. Ладно, плевал я на все на это и на него самого тоже. А заодно и на фантазии, которые лезут в голову этому старому наркоману.

Повернувшись спиной к Фэй, Питер направился к машине, держа в руке ключи.

– Есть три типа людей, – сказала Фэй, глядя ему вслед. – *Живые, мертвые и выключенные*. Это особенность современной эпохи – эпохи кино, телевидения, политических шоу, модных показов в Нью-Йорке. Интересно, к какой категории принадлежишь ты. Похоже, ты – из разряда зомби, которым все до лампочки.

– Ага, – пробурчал Питер. – И нас таких много. Садись в машину.

Глава 5

*«Клоун в костюме карамельного цвета, которого называют
Песчаным человеком...»
Рой Орбисон. «Во сне»*

Кондор посмотрел на свое отражение в панели большого телевизора, висящего над камином. Ему показалось, что на экране движутся призраки.

Он взглянул на визитную карточку женщины-агента, лежащую на каминной полке. Фэй Дозье. Интересно, хоть что-нибудь из ее личных данных правда?

Она и ее лысый спутник побывали у него дома, видели стену с газетными и журнальными вырезками и сделали множество фотографий.

Кондор вспомнил звук, который издавала камера айпада Питера, и мысленно мгновенно перенесся на некий заброшенный склад где-то на территории Америки. Тот самый, где в одном из помещений лежал на полу провонявший потом борцовский ковер. Тот, где ему довелось учиться стрелять. Бах! В закрытом помещении тира, разделенном перегородками, выстрелы звучали оглушительно. Он припомнил человека с неприметной внешностью и душой, израненной вьетнамской войной. Держа в руке пластиковый стакан с дымящимся кофе, он сказал Кондору, которому тогда было всего двадцать с небольшим лет: *«Научись держать все свои тайны на виду. Тогда, если к тебе когда-нибудь придут плохие парни и станут их искать, они ничего не найдут»*. С этими словами человек выплеснул обжигающий кофе Кондору в лицо. Даже сейчас, в этот дождливый апрельский вечер 2013 года, находясь в Вашингтоне, в арендованном им доме, Кондор сжался от воспоминания о том, какие ощущения тогда испытал.

Он окинул взглядом стену, испещренную прилепленными к ней газетными фото и страницами, вырванными из книг и журналов. Среди них были те, которые играли роль ключей к разгадке всего ребуса. Он специально проткнул в них небольшие треугольные отверстия, чтобы не запутаться самому. В других статьях и фото, приклеенных к кирпичной кладке, тоже имелись дырки, но важными были только те, на которых их было по три. Внешне, однако, все выглядело как дело рук сумасшедшего.

Если бы он только знал, что эти ключи означали...

Фото из «Нью-Йорк таймс», на котором был изображен летящий на фоне лунного неба черный, хищного вида беспилотник. Подпись под снимком гласила: «Как и другие, менее смертоносные высокотехнологичные игрушки, беспилотные средства удовлетворяют нашу страсть к получению немедленного результата».

Вырезанный из какой-то книги снимок британского спецназовца, глядящего через ограду на здание иранского посольства в Лондоне во время антитеррористической операции 1980 года.

Дымящиеся башни-близнецы Международного торгового центра в Нью-Йорке.

Газетное фото 2013 года, на котором китайцы с респираторами на лицах делают гимнастику тайцзи в Пекине в условиях такого смога, что людей, находящихся в каких-нибудь нескольких футах от объектива камеры, почти не видно.

Черно-белое фото из какого-то журнала, посвященного проблемам кинематографа, на котором очередной герой, по-видимому, мастер кунг-фу, расшвыривает противников в разные стороны, и длинные полы его кожаного пальто описывают в воздухе круг, следуя за стремительным движением тела.

Портрет Брюса Спрингстина из «Вашингтон пост» с подписью «Дао Брюса».

Снимок, на котором какой-то репортер умудрился запечатлеть охваченного языками пламени бегущего человека, совершающего самосожжение во время Арабской весны.

Газетные фото картины Эдварда Хоппера с изображением безлюдной заправочной станции и принадлежащего кисти другого художника портрета женщины с черными волосами, лежащими на плечах, и лицом в виде розового пятна с неразличимыми чертами.

Еще один снимок, на этот раз вызывающий вполне очевидную ассоциацию, – распростертый в небе кондор.

Если бы только это было возможно...

Напоминая себе, что его зовут Вин, он разогрел в микроволновке остатки китайской еды и проглотил свой импровизированный ужин, имевший вкус картона, политого соевым соусом.

Затем, держа в руке стакан с водой и бритвенное лезвие, отправился наверх, по пути натянув поперек ступенек лестницы кусок зубной нити. Он знал, что это весьма хрупкое ограждение может тем не менее привести убийцу, если он проникнет в дом, в замешательство, заставить его издать какой-нибудь лишний звук и раньше времени обнаружить себя.

Бритвенным лезвием он поскоблил прописанные ему таблетки, тем самым существенно уменьшив дозу лекарств – однако не слишком сильно, чтобы препараты присутствовали в моче и, плюс ко всему, могли замаскировать следы употребления марихуаны либо какие-то другие отклонения от того, что медики Агентства считали нормой. Затем он проглотил обработанные бритвой пилюли, собрал все, что соскоблил с них, и спустил в унитаз, испытав мимолетный укол совести из-за того, что сильнодействующие препараты, попав в воды реки Потомак, могут причинить вред обитающей в ней рыбе.

Взглянув в зеркало, Кондор, чувствуя, как принятые лекарства начинают завлакивать туманом его сознание, не без труда различил собственное отражение. Его особое внимание привлекли глаза. Чернота зрачков почти закрыла голубую радужную оболочку.

Глава 6

«Мы торгуем свинцом».
Стив Маккуин. «Великолепная семерка»

Разыскивая нужную информацию в Чистилище, Фэй прятала в сжатом кулаке флэш-носитель.

Официально Чистилище, разумеется, называлось иначе. Это был Ситуационный центр специальных операций прикрытия национального разведывательного ведомства. Фабрика по производству специалистов в сфере разведдеятельности, занимающая четвертый уровень комплекса «Z» – здания, расположенного в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, неподалеку от магазинов «верхнего Джорджтауна», рядом с Висконсин-авеню и частной школой, где ежегодный взнос за обучение был вдвое больше, чем в государственном университете, который в свое время окончила Фэй.

И тем не менее это место обычно называли Чистилищем.

Во всяком случае, это делала Фэй – еще с тех времен, когда работала в ЦРУ.

«Вот я и снова в Чистилище», – думала она, сидя в помещении без окон и роясь в данных в поисках того, что ей было нужно. Лампы дневного освещения, установленные в верхней части стен и на потолке, заливали все вокруг мерцающим голубоватым сиянием. Стены были отделаны плиткой в виде зеленых керамических кубиков. Помещение было разделено на небольшие квадратные отсеки.

Сюда, помимо прочего, стекалась информация о кадровых перемещениях в шестнадцати официально существующих в США разведывательных организациях, деятельность которых не всегда укладывалась в общепринятые рамки обычных бюрократических процедур. В Чистилище имелся специальный отсек для ППС, или «персонала в переходной стадии». Этот термин подразумевал, в частности, агентов, аналитиков или административных работников, которые находились в стадии смены одной должности на другую, карабкаясь вверх или спускаясь вниз по строго секретной иерархической лестнице. Еще чаще под ППС подразумевались сотрудники предпенсионного возраста, которым нужно было найти подходящее пристанище, а также засветившиеся агенты или так называемые бунтари, попытавшиеся восстать против существующих порядков, но забывшие при этом должным образом прикрыть свой зад.

«По крайней мере меня не отправили в ППС», – подумала Фэй.

Во всяком случае, пока.

Зажатая в кулаке флэшка заметно нагрелась.

Департамент внутренней безопасности, в который ее сослали, занимал угловую часть этажа, на котором находилось Чистилище. Его помещение чем-то немного напоминало музейные залы Смитсоновского института. Своим интерьером огороженный пластиковыми стенами зал очень сильно напоминал отдел уголовных преступлений типового полицейского участка. В помещении было двенадцать столов, которые делили между собой Фэй и еще девятнадцать полевых агентов. Имелась и комната руководства с такими же пластиковыми стенами. В ней находилось начальство в количестве двух человек, в обязанности которых входил контроль за потенциальными перебежчиками и другими лицами, вызывающими подозрения, такими, как Кондор. Разумеется, на руководство возлагалось и множество других задач, решением которых занимались и департамент, и прочие смежные организации, а именно ЦРУ, ФБР, АНБ и прочие, включая новые ведомства, возникшие после теракта 11 сентября 2001 года.

Фэй посмотрела на часы в углу компьютерного монитора. В Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, было девятнадцать часов двадцать две минуты. До двадцати одного часа оставалось еще девяносто восемь минут.

Ты сможешь это сделать. Если разыщешь Алекса, у тебя еще будет возможность...

Она нашла его в одном из отсеков, в котором не работало освещение.

– У тебя есть секунда? – спросила Фэй, присаживаясь на стул рядом с худощавым рыжеволосым мужчиной, одетым в белую рубашку, полосатый галстук и брюки цвета хаки.

– Вряд ли, – ответил Алекс, складывая в сумку инструменты, которые он использовал для установки на компьютер, стоящий на столе в отсеке, нового жесткого диска. – Меня переводят из запасных в основной состав.

– Рада за тебя.

– Послушай, тайник в мусорном контейнере, который я оборудовал, все еще в рабочем состоянии. Я проезжал мимо и проверил.

– Здорово. Вообще-то я хотела...

– Рассказать мне, что ты натворила? Наверное, есть о чем рассказывать, если ты оказалась здесь.

– Нет, дело не в этом. Дело в другом. Мне хочется помочь моему напарнику.

Фэй передала флэш-носитель Алексу. Когда-то он был ее инструктором по техническим вопросам в ЦРУ, и они случайно встретились в Чистилище неделю назад.

– Здесь видео, снятое на айфон. Белая машина делает резкий разворот и уезжает. Из-за света фар передний номер различить невозможно, но, может быть, задний номер все-таки можно прочесть...

Выполнение просьбы Фэй заняло у Алекса четыре минуты, из которых большая часть ушла на установку специального программного обеспечения на компьютер, в котором он только что поменял жесткий диск.

– Это номер штата Виргиния, – сказал он, когда они вместе с Фэй принялись, вглядываясь в монитор, рассматривать буквы и цифры на металлическом прямоугольнике номерного знака. – Я живу в Виргинии. Если ты тоже, можешь мне об этом сказать, – это не то, что назвать свое настоящее имя или что-то в этом роде...

На мониторе возникло новое окно.

– Вот так, – пробормотал Алекс. – Проверкой установлено, что этот номер должен быть установлен на зеленом джипе «Чероки», а не на белом «Ниссане», который мы видим здесь.

Фэй подавила желание выхватить из кармана сотовый.

Те, кто сидел в белой машине, знали, что мы – вернее, кто-то был в доме. Они уехали. Теперь, если они вернуться, это произойдет только тогда, когда они будут уверены, что им никто не помешает. Так что у меня – у нас, у Кондора – есть время.

«Но ведь он всего лишь «сгоревший», оставшийся не у дел агент, до которого никому из врагов нет никакого дела, – сказала она себе. – Если я нарушу инструкцию и начну действовать в обход моего супервайзера Питера, не представив предварительно соответствующий рапорт, я его подставлю и спровоцирую активацию режима тревоги – и все это только потому, что номерной знак не соответствует автомобилю, на котором он установлен... Во-первых, учитывая мой статус, никто ничего не станет делать – все будут только прикрывать собственную задницу. Во-вторых, это может быть расценено как еще один прокол с моей стороны, и если после него меня навсегда запрут в ППС, можно будет считать такой конец везением».

И к тому же у нее оставалось всего семьдесят четыре минуты.

На то, чтобы закончить рапорт о посещении на дому объекта за номером Ф409, у Фэй ушло двадцать три минуты. Она вошла в компьютерную систему под паролями Питера и постаралась при составлении документа использовать характерный для него деловитый

стиль. Фэй отметила проявляющуюся временами иррациональность Кондора, но в то же время сообщила о том, что у него ясный рассудок и что он находится в рабочем состоянии. Указала отмеченный в журнале номер анализа его мочи, упомянула о разговоре про употребление марихуаны. Затем в графе «Рекомендации», описав «возможную паранойю» Кондора по поводу белой машины и в то же время констатируя несоответствие регистрационного номера марке и цвету автомобиля, подытожила: «Мой партнер агент Фэй Дозье настаивает на усилении защитных мер и проведении операции по выявлению возможного скрытого наблюдения за объектом со стороны противника, а также на сборе всей необходимой информации по поводу подозрительной машины». После этого, кликая мышью, Фэй присоединила к рапорту сделанные с помощью айпада фотографии Кондора и его жилища, а также видеозапись, зафиксировавшую белый автомобиль.

Еще раз перечитав текст рапорта, она не обнаружила ничего такого, что могло бы создать ей проблемы, которые она не смогла бы решить.

Фэй отправила рапорт по всем необходимым адресам, в том числе в свою личную папку, в свою папку для подобных материалов, продолжавшую существовать в архивах Центрального разведывательного управления, и даже своему легендарному руководителю группы из ЦРУ, который после устроенного ею шоу ужасов добился того, что ее всего лишь отправили из Агентства в отдел внутренних ресурсов Департамента внутренней безопасности, располагавшийся на одном этаже с Чистилищем. Подумав немного, Фэй отослала рапорт на электронный адрес Питера и представила, как он завертится на стуле в каком-нибудь баре, когда услышит сигнал айпада, принявшего сообщение, и ознакомится с текстом, который якобы сам написал. Впрочем, она знала, что, какие бы громы и молнии он ни обрушил на ее голову по поводу того, что она написала в графе «Рекомендации», все останется между ними. Однако нельзя было исключать, что в один прекрасный день Питер оплатит ей подобным же образом. Если это случится, все будет организовано так, словно он не имел к этому никакого отношения. Но оба они будут знать, что это – своеобразная месть с его стороны.

Приготовившись послать рапорт по еще одному адресу, Фэй какое-то время в раздумье смотрела на мерцающий монитор компьютера. Потом убедилась, что сообщение, посланное по адресу Ф409, попадет именно к Кондору. И кликнула мышью на клавише «Отправить».

Рапорт улетел в недра компьютерной сети, словно пуля, выпущенная в темноту.

Она подождала пять минут, остававшихся до конца ее смены, покинула Чистилище, спустилась на цокольный этаж, прошла через рамку металлоискателя и, не обнаруживая ни малейших признаков спешки, через вращающуюся дверь вышла из комплекса «Z» на площадь с бетонными ограждениями, защищавшими окружающие здания от попыток терактов с использованием начиненного взрывчаткой грузовика. В ограждение были вмонтированы фотоэлементы, которые на ночь обычно отключали.

Камеры зафиксировали, как Фэй прошла к своей машине на нижнем уровне служебного гаража. Было видно, что она не пытается обнаружить возможную слежку или уйти от наблюдения. Сев в обычный, не привлекающий внимания темно-вишневый «Форд», она выехала на улицу.

Сорок девять минут. У меня сорок девять минут.

Фэй жила в квартире в одном из зданий, расположенных в деловом районе под названием «Бетесда-ландия». Это неофициальное название родилось в начале XXI века, когда такие традиционно престижные районы Вашингтона, как Джорджтаун и северо-западная часть федерального округа Колумбия, стали чересчур тесными для всех желающих жить в них юристов, лоббистов, руководителей корпораций, медиазвезд и прочих представителей высших слоев общества. Многие из них стали селиться в населенном пункте Бетесда, рас-

положенном в округе Монтгомери штата Мэриленд. Прежде это место считалось обителью среднего класса, но вскоре превратилось в одну из наиболее респектабельных жилых зон.

По дороге, глядя в зеркала, Фэй внимательно следила за тем, что происходило позади и по обе стороны ее автомобиля.

В одном месте она намеренно проскочила на красный. Потом без всякой необходимости сделала резкий поворот влево, затем вправо и еще раз влево и стрелой пронеслась вдоль узкого переулка, заставленного по обочинам зелеными мусорными контейнерами. Именно в такие горы техподдержки Алекс как-то раз со всего маху влетел на служебной машине, выпив слишком много пива. Это случилось после обеда с офицерами тайской армии, которых он обучал премудростям противодействия электронному шпионажу.

В зеркалах Фэй не увидела ничего подозрительного.

Камеры наблюдения зафиксировали, как она въехала в подземный гараж дома, в котором находилась ее квартира, через тридцать восемь минут после ухода с работы. Двигаясь задним ходом, она припарковала свой «Форд» на втором уровне гаража, где стояло легкое марево выхлопных газов, и направилась к шахте лифта, на ходу включив сигнализацию нажатием кнопки на брелоке ключей. Поднявшись в вестибюль, она заглянула в почтовый ящик и ничего в нем не обнаружила. Фэй и не ожидала там что-нибудь обнаружить, но если бы она не произвела этого ритуального действия, это могло бы показаться подозрительным.

Расчет Фэй оказался верным: за стойкой портье никого не было. Ночной дежурный Абдулла, скорее всего, был занят тем, что тайком шарил в компьютере менеджера здания в надежде найти какую-нибудь информацию о своей семье, оставшейся в Сомали. Это было нелегко, учитывая количество проблем, с которыми приходилось сталкиваться стране: засуха, голод, пираты, созданная и финансируемая Объединенными Арабскими Эмиратами армия по борьбе с пиратами, у которой в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, имела представляющая ее интересы юридическая фирма, радикально настроенные исламские фундаменталисты, да еще и двенадцатитысячный контингент «голубых касок» Африканского союза. Его обучали бывшие сотрудники ЦРУ, расквартированные в окруженном проволочными заграждениями комплексе зданий на территории аэропорта в Могадишо. Местные жители почему-то называли это место «розовым домом».

В вестибюле было совершенно безлюдно. Камеры, установленные над входной дверью, в самом вестибюле и у двери черного хода, записали, как Фэй прошла мимо лифтов к лестнице. Наблюдатель, глядя на ее действия, вполне мог бы подумать, что она – офисный клерк, которому необходим хоть какой-то моцион.

На лестнице камеры захватывали только первый марш бетонных ступенек вниз и последний наверху – там, где располагался выход на крышу. Она преодолела два лестничных пролета, чувствуя, как колотится сердце. Не от подъема – перед работой она ежедневно бегала шестимильные кроссы.

Остановившись на площадке между четвертым и пятым этажом, на котором располагалась ее квартира, Фэй достала сотовый телефон, с его помощью установила контакт со своим домашним компьютером и подключилась к встроенной в него камере. Камера была синхронизирована с датчиками движения у входа в квартиру, состоявшую из гостиной и одной спальни, и у сдвижной стеклянной двери, которая отделяла спальню от балкона. Судя по показаниям приборов, в квартире было пусто. Объектив компьютерной камеры также подтвердил, что незваных гостей в жилище Фэй нет.

Она проскользнула в квартиру. Там царили полная тишина и полумрак.

Фэй посмотрела сквозь закрытую стеклянную дверь балкона на ночное небо, подсвеченное городскими огнями. Представила, что где-то там, в темноте, находится Мемориал Линкольна, Белый дом и Капитолийский холм, мимо которых она проезжала совсем недавно. А также место, где она однажды чуть не погибла.

Она нажала на выключатель на стене. Свет лампы залил пространство гостиной – диван, стулья, кофейный столик, приобретенный на какой-то гаражной распродаже, перекладину для подтягиваний, укрепленную над дверью в спальню.

Часы показывали 8:31 вечера – у нее оставалось еще двадцать девять минут.

Попробуй принять душ.

Она бросила черный плащ на спинку стула и торопливо отправилась в ванную. Зажгла свет и сбросила туфли, не мешавшие бегать и наносить удары ногами. Сняла с правого бедра кобуру с «глоком» сорокового калибра и положила ее на туалетный столик, до которого можно было легко дотянуться прямо из душа. Затем, пристроив сотовый телефон и удостоверение на раковину, она расстегнула блузку.

Под блузкой оказался черный бюстгальтер. Широкий розовый шрам, отчетливо видный в зеркале, протянулся через все туловище Фэй от центра груди к правому бедру. Брюки она расстегнула без труда: хотя со времени последней операции прошел год, она все еще предпочитала, чтобы они не охватывали ее талию слишком плотно. Когда брюки соскользнули на пол, Фэй неожиданно рассмеялась, представив, как она доказывает начальству, что носить в качестве нижнего белья черные бикини – это признак профессионализма, поскольку они не стесняют движений и в случае необходимости позволяют в любой момент нанести удар ногой под любым углом.

Сняв тонкие черные трусики, она снова посмотрела в зеркало. Черный лифчик, тонкие, но крепкие руки, плоский живот. И шрам. Шрам.

Расстегнув бюстгальтер, она тоже сбросила его на пол.

Это я.

Короткая прическа. Зеленые глаза – обычные на вид и совершенно особенные, если учесть, как они смотрят и что видят. Рот на вид тоже совершенно обыкновенный. Вот только есть слова, которые она никогда не сможет произнести. *У меня нет морщин на шее, как у мамы. Пока нет, но когда-нибудь они появятся, и...* Грудь, по поводу которой некоторые молодые люди думали, что она слишком маленькая. Но эти мысли появлялись у них исключительно *после*. Фэй почувствовала, как затвердели соски – вероятно, оттого, что в квартире было довольно прохладно.

Она включила душ на полную мощность, сделав воду максимально горячей, такой, чтобы едва можно было вытерпеть, и постаралась избавиться от мыслей о старом человеке, которого называли Кондором или Вином. Когда душевая кабина наполнилась паром, Фэй включила ледяную воду.

Затем она тщательно вытерлась белым полотенцем, повесила его на крючок, вышла из душевой кабины, надела брюки, затем блузку и застегнула ее до самого верха, на все четыре пуговицы. *Расстегни верхнюю.*

Черные лифчик и трусики она сунула в корзину для грязного белья. Потом зашвырнула туфли в спальню и услышала, как они, ударившись о стену, упали на пол.

Она еще раз взглянула в зеркало.

Будь собой.

Впрочем, блеск для губ, пожалуй, не будет лишним.

Подумав так, Фэй взяла тюбик с блеском и, открыв колпачок, провела им по губам. Потом нажала на клавишу выключателя, и ее отражение превратилось в смутный, едва различимый в темноте силуэт.

Прихватив удостоверение и оружие, она прошла в спальню, положила их в ящик прикроватной тумбочки и аккуратно задвинула его до самого конца.

Не думай о черном помповом ружье с пистолетной рукояткой на казенной части, которое спрятано в шкафу для одежды. И о «глоке», который совсем близко от тебя, в ящике прикроватной тумбочки. Забудь о короткоствольном револьвере тридцать восьмого калибра,

который ты на всякий случай хранишь на кухне, и о девятимиллиметровой «беретте», засунутой под диванную подушку. И о ножах тоже не думай.

Ты должна сделать это голыми руками.

До девяти часов вечера оставалось девять минут.

А что, если он опоздает? Ты сделаешь из этого какие-то выводы? Что, по-твоему, это будет означать?

Она никогда не думала, что ей придется этим заниматься.

Цифровые часы на ночном столике показывали 8:53.

Оставалось семь минут.

Лампа в гостиной не столько освещала пространство комнаты, сколько наполняла его тенями. Еще немного тусклого освещения добавляла белая лампочка под металлическим абажуром, укрепленная на стене над плитой.

Время пришло. Фэй отперла внешний замок и сбросила цепочку, которая с лязгом закачалась из стороны в сторону. Потом отошла на несколько шагов и стала смотреть на незапертую деревянную входную дверь.

Ты всю жизнь ждешь, когда кто-то шагнет через порог.

Она постаралась расслабиться и дышать тихо и размеренно, используя диафрагму. И стала ждать, не глядя больше на часы.

Раздался стук в дверь. Тук-тук-тук. Три негромких, но энергичных удара костяшками пальцев.

– Входи, – произнесла она, чувствуя, как напряглись голосовые связки, и стараясь, чтобы это напряжение не передалось висящим вдоль тела рукам, в которых ничего не было.

Дверь распахнулась. Он стоял на пороге в желтом свете лампы, падающем на него из прихожей.

– Я вовремя, не так ли? – спросил гость.

– Главное, что ты здесь, – ответила Фэй, глядя на пришедшего.

Мужчина обычной внешности, возраст – чуть за тридцать. Рост шесть футов два дюйма, вес сто семьдесят семь фунтов. Рано начавшие редеть светлые волосы, симпатичное лицо, в котором присутствовало что-то орлиное, голубые глаза. Очки делали гостя немного похожим на научного работника, эдакого книжного червя, однако его фигура дышала силой и ловкостью.

– Закрой за собой дверь, – сказала Фэй. – И запри ее.

Он не только запер дверь на замок, но и накинул цепочку.

Его черные туфли того типа, который обычно предпочитали работающие на государство юристы, не были начищены до блеска, однако в остальном он выглядел прекрасно. Темно-синий костюм отлично гармонировал с голубой рубашкой и красным галстуком.

Если хочешь разделаться с мужчиной в галстuke, лучше всего сначала подобраться к нему поближе – на дистанцию примерно в полтора фута. Потом улыбнись, возьми галстук в ладони и приподними, делая вид, что ты с восхищением его разглядываешь.

Затем крепкохвати его обеими руками, быстро развернись, одновременно плотно прижавшись спиной к противнику, и, наклоняясь вперед, резким движением брось его на пол через плечо. Если сделать все правильно, он скорее всего рухнет прямо перед тобой, как партнер на занятиях по дзюдо. Продолжая движение, резко прыгни согнутыми коленями ему на грудь. Даже если таким образом ты не проломишь ему грудную клетку, он все равно будет какое-то время находиться в оцепенении из-за удара при падении и сбитого дыхания. Это даст тебе возможность одной рукой затянуть узел галстука. Другой, сжав ее в кулак, следует нанести противнику удар в горло и продолжать давить ему на гортань. Его лицо покраснеет, и через семнадцать секунд, если ты не дашь ему перевести дух, он потеряет сознание, а затем умрет.

Есть и другие варианты действий. Можно резко дернуть за галстук вперед и вниз, одновременно нанося удар коленом в лицо, однако велика вероятность, что этот удар не будет достаточно сильным и точным. Существует также техника удушения сзади, но превосходство противника в силе скорее всего не даст возможности довести дело до конца.

В общем, если тебе удастся схватить его двумя руками за галстук, дело будет наполовину сделано.

– Как прошел понедельник? – спросил гость, глядя на Фэй.

– Как обычно. Ничего нового.

– По-видимому, это хорошо, – заметил он и стал смотреть, как она, ступая по полу босыми ногами, идет к нему.

Девять шагов. Восемь.

– То, что у меня есть возможность тебя увидеть, – сказал он, – делает этот день не просто хорошим, а замечательным.

Шесть шагов. Пять.

Фэй приблизилась вплотную, запустила руки ему под пиджак, скользнув ладонями по ремню, *на котором ничего не было*, свела их сзади на поясице и прижалась лицом к груди своего гостя. Ее лоб коснулся узла красного галстука, пахнувшего шерстяной тканью. Она почувствовала тепло его тела.

Он обнял ее – крепко, с явным нетерпением.

– Тебя кто-нибудь видел? – спросила она.

– Я надеюсь, что меня видел весь мир.

Шутка повисла в воздухе.

– Я не видел никого, кто мог бы увидеть меня, – поправился он, ощутив возникшую неловкость.

– Ты кому-нибудь что-нибудь говорил? – задала она новый вопрос.

– Мне известно о твоих ограничениях.

– А теперь слушайте правильный ответ! – произнесла Фэй, подражая голосу ведущего популярной телевикторины.

Он чуть отстранился, чтобы видеть ее лицо, и сказал:

– Мы все держим в секрете.

С этими словами он поцеловал ее. Она почувствовала его радостное удивление, когда он ощутил, как ее губы широко раскрылись, а язык приглашающе скользнул ему в рот. Поцелуй получился долгим. Когда он закончился, оба тяжело дышали. Фэй не разжимала объятий.

– Ты, кажется, говорила, что сегодня будет особенный день? – спросил он, погладив ее по щеке правой ладонью.

Она кивнула и ответила:

– Неповторимый.

– Неповторимый? – переспросил он. – Но ведь...

– Тсс.

Ее руки заскользили вверх по его телу.

– Я хочу кое-что знать, – проговорила она.

– Что именно?

Пальцы Фэй легли на галстук и осторожно погладили его.

– Могу ли я доверять тебе.

– Но я же...

Пальцы сжались на красной шерстяной ткани.

– Дело не в тебе, а во мне, – перебила она. – Я хочу знать, какую степень доверия могу позволить себе в отношении тебя.

– Что еще я...

На этот раз она молча зажала ему рот ладонью. Ее пальцы скользнули под воротник его рубашки. Она всмотрелась в голубые глаза за стеклами очков с простой минималистской оправой, которая на любом другом мужчине смотрелась бы по-дурацки – но только не на нем.

Он моргнул, почувствовав, как Фэй развязывает узел галстука.

Резкий рывок – и галстук оказался у нее в руке. Повернувшись к нему спиной, она, босая, держа в руке красный галстук, направилась в спальню, в которой они бывали вместе уже не раз...

Чувствуя на себе его взгляд, Фэй на ходу расстегнула блузку и бросила ее на пол. Войдя в спальню, вышагнула из брюк, зная, что он продолжает наблюдать за ней, пожирая взглядом ее обнаженные ягодицы. «Они круглые, как земной шар», – сказал он как-то раз, поглаживая и целуя их. Лежа на животе, она тогда не смогла сдержать улыбку.

Раздевшись полностью, Фэй зажгла лампу на ночном столике, подошла к кровати и, встав на колени рядом с черным металлическим изголовьем, привязала к нему широкий конец галстука. До нее донесся стук упавших на пол туфель и звук расстегиваемой на брюках молнии. Не поворачиваясь к гостю лицом, она обернула узкий конец галстука вокруг собственных запястий. При этом, помня, чему ее учили на специальных курсах, она позаботилась о том, чтобы петли были не слишком тугими и позволяли ей двигаться. Затянув зубами последний узел, Фэй повернулась к гостю лицом.

Внешне все выглядело так, словно она была целиком в его власти – обнаженная, связанная, неспособная к сопротивлению.

Гость, который к этому времени тоже успел раздеться и снять очки, уставился на нее в немом изумлении.

– Что ты... – начал было он, но она не позволила ему продолжить.

– Я хочу, чтобы ты был самым собой, – сказала она. – Делай все, что тебе хочется, и не думай о том, что что-то может обидеть или расстроить меня, а что-то – сделать счастливой. Забудь обо мне – просто наплюй и забудь. Просто трахай меня, и все. Я связала себя, чтобы чувствовать, что не могу ни руководить тобой, ни остановить тебя. Мне нужно знать, что у меня еще сохранилась способность хоть кому-то доверять.

Он забрался в постель и встал на колени справа от распростертой перед ним Фэй, руки которой были привязаны к спинке кровати.

Он поцеловал ее, и она ответила на поцелуй. Небольшая пауза – и их губы слились снова. Влажные рты изучали друг друга, словно готовясь к схватке. Потом его губы перекочевали ниже – к ее шее, к груди. От прикосновения языка к соскам ее тело выгнулось дугой. Фэй почувствовала тяжесть и горячую влагу внизу живота. Мужчина тем временем стал целовать ее шрам – не избегая его, нет, он ласкал его так же нежно, как и соски, опускаясь все ниже, потом раздвинул ее бедра.

Фэй почувствовала себя так, словно ее подхватил и понес над землей сильный порыв ветра. Мужчина потянул ее вниз, к краю кровати, так, что вытянулись привязанные к спинке руки, а ступни сначала свесились над краем постели, затем оказались на полу. Он расположился между ее широко раздвинутыми коленями, и Фэй ощутила его губы и язык там, где в эту минуту ей больше всего хотелось их ощутить. Руки его тем временем продолжали гладить и сжимать ее грудь.

Она коротко вскрикнула, потом еще и еще. Ей показалось, что эти звуки доносятся со стороны и издает их не она, а охваченное страстью животное.

Он снова оказался на кровати и перевернул ее на правый бок. Впился поцелуем в губы. Потом одним сильным движением закинул ее левое бедро на себя и вошел в нее, крепко охватив рукой ее ягодицы. Другая его рука зажала ей рот – так, чтобы она не могла издать ни звука.

Я же привязана, какая же я идиотка, я не могу сейчас нанести удар, он находится слишком близко ко мне...

– Я люблю тебя, – произнес он.

Весь ее мир словно разом перевернулся. Одна его ладонь, сложенная в виде чаши, крепко зажимала ей рот – идеальная позиция при нейтрализации часового. Другая лежала на ее пояснице, не давая извернуться и использовать ноги. И все же...

Его голубые глаза были устремлены на нее, и она чувствовала, что не в силах отвести от них взгляд.

– Я тебя люблю, – повторил он. – И ты не можешь мне ничего возразить, даже если решишь, что это необходимо, и очень этого захочешь. Сейчас ты, наверное, боишься и не знаешь, что сказать в такой ситуации. Тем не менее ты доверилась мне настолько, чтобы позволить сказать то, что потом наверняка отвергнешь. Но сейчас ты не можешь этого сделать, потому что я лишил тебя возможности издать хотя бы звук. Пойми, что бы ты ни захотела сейчас сказать, ты не готова к восприятию некоторых вещей. Еще слишком рано. И для тебя это – слишком много. Сейчас просто-напросто не время. Поэтому, когда я уберу руку с твоих губ, ты не должна ничего говорить. Это буду говорить я – когда захочу. Когда не смогу сдерживаться и это будет вырываться у меня изнутри. Это неизбежно, потому что я люблю тебя так сильно, что это чувство переполняет меня. Но ты не должна ничего говорить. По крайней мере не сейчас. Может быть, когда-нибудь, когда поймешь, что все-таки можешь кому-то доверять – точнее, не кому-то, а мне. Потому что я тебя люблю!

Он снова начал двигать бедрами, все быстрее и быстрее, продолжая одной рукой зажимать ей рот, а другой сжимать ягодицы, шепча ей на ухо слова любви, словно мантру. Наконец Фэй закричала, но этот крик, прижатый его ладонью, так и не вырвался наружу.

Когда все закончилось, оба замерли, обессиленные. Ее нога, теперь уже расслабленная, продолжала лежать на его боку. Он убрал ладонь со рта Фэй и ласково погладил ее по щеке, проведя большим пальцем по вспухшим, высохшим губам.

Ей пришлось объяснить ему, как развязать галстук, чтобы освободить руки. Это заставило обоих расхохотаться, и смех стал для них чем-то вроде спасательного круга. Успокоившись, она положила голову ему на грудь. Они долго лежали, отдыхая. Фэй слушала, как бьется его сердце. Он тихонько целовал ее в макушку, вдыхая запах волос, вымытых коко-совым шампунем.

Его звали Крис Харви.

– Не беспокойся, – сказал он. – Любовь – это не смертельно.

– Еще как смертельно, – возразила она.

Глава 7

«Любовь – это еще как смертельно».
Фэй Дозье

Сейчас! Это происходит сейчас! – выкрикнули призраки в сознании Кондора, как только он проснулся на следующее утро.

Скатившись с постели, он отогнул вниз белую перекладину жалюзи на окне и осторожно выглянул на улицу.

Над Вашингтоном повис рассвет. У машин, проезжавших мимо его дома, все еще горели фары. На фоне лучей утреннего солнца на стенах таунхаусов напротив мелькнула тень утки. Где-то рядом на утреннего бегуна залаяла собака. Воздух прорезал автомобильный сигнал.

Вину показалось, что он услышал звук сигнальной трубы, раздавшийся на территории расположенного в трех кварталах комплекса командования корпуса морской пехоты, который состоял из нескольких длинных казарм, сложенных из красного кирпича. Летними вечерами по пятницам командование на радость рядовым обывателям регулярно проводило красочные парады. Храбрые морские пехотинцы, мужчины и женщины, в красивой парадной форме маршировали ровными рядами под звуки военного оркестра. А тем временем люди, определяющие политику страны, под звуки такого же оркестра решали, будут ли в ближайшее время обернутые в звездно-полосатые флаги цинковые гробы прибывать в Бивер-Кроссинг, штат Небраска; Трут-ор-Консекуэнсес, штат Нью-Мексико; или в Шелби, штат Монтана.

Из окна спальни на втором этаже не было видно никакой белой машины.

Впрочем, если ее не видно, это говорит лишь о том, что у людей, охотящихся за ним, хорошо организовано наружное наблюдение.

«А может, – подумал Кондор, – там и в самом деле никого нет. Или случилось что-то еще».

Сегодня. Это произойдет сегодня.

Кондор вернул перекладину жалюзи на место.

Войдя в ванную комнату, он на этот раз не стал смотреть в зеркало.

Что бы ни случилось, какие бы события ни надвигались, когда приходит время идти, нужно идти.

Он не взглянул в зеркало и тогда, когда мыл руки над раковиной. Спустив воду в унитазе, он решительно покинул ванную комнату и, идя вниз по лестнице на первый этаж, внимательно осмотрел дом, словно морской пехотинец, находящийся в дозоре. Дверь цвета морской волны была плотно закрыта и заперта. Ни один ниндзя не прятался в гостиной. На стене секретов все было по-прежнему. В туалете на первом этаже изготовившегося к нападению вампира он не обнаружил. *Не смотри в зеркало!* Взглянув на серый деревянный забор за створками дверей черного хода, он убедился, что и за выветрившимися досками никто не прячется, если не считать одинокого японского клена.

Он нажал на выключатель на стене, и на кухне загорелся свет. Наполнив водой чайник, зажег одну из конфорок на плите. Голубое газовое пламя вспыхнуло, издав негромкий хлопок. Взяв чашку с остатками кофе, Вин выплеснул коричневую жижу в раковину и вымыл чашку, чтобы заварить свежий напиток. Пока чайник закипал, он поднялся на второй этаж, чтобы одеться.

На кухню он вернулся в рваном черном спортивном свитере, надетом поверх плотной футболки, серых спортивных штанах, белых носках и черной специальной обуви с жесткой подошвой для занятий кунг-фу.

«Кофе выпьешь позже», – сказал себе Вин.

Если у тебя нет возможности взять в руки что-то стратегически важное, постарайся сделать так, чтобы они были пусты и свободны для решения тактических задач.

Отперев замки, он распахнул входную дверь.

В него никто не выстрелил.

Ни в машинах, припаркованных по обеим сторонам улицы, ни в окнах соседних домов, ни на крышах он не заметил никого, кто был бы похож на наблюдателя. Мимо него с ревом промчался автобус.

На ступеньках крыльца лежали упакованные в пластиковые пакеты «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс». Подняв их, Вин вошел обратно в дом и запер за собой дверь. Газеты он положил на кухонную стойку. Затем открыл дверцу холодильника, чтобы достать пакет молока, полученного от коровы, в корм которой наверняка добавляли антибиотики, и холодильник не взорвался. Плеснув в чашку молока, он добавил кофе и поставил чашку на стойку рядом с газетами. Потом вытряхнул газеты из пакетов, включил спутниковый приемник, и в доме раздался голос покойного Уоррена Зивона, исполняющего песню «Юристы, оружие и деньги».

Одетый в гражданское майор разведывательной службы морской пехоты, сидя в какой-то комнате в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, складывает несколько газет в аккуратную стопку. В Никарагуа идет война, из которой никто не делает тайны. Секретный агент, убитый где-то в Лос-Анджелесе. Майор морской пехоты не знает о твоём существовании, хотя ты – его невидимое прикрытие, его поддержка. Зачем, зачем мы читаем газетные гороскопы?

«Минутку, – произнес про себя Вин, обращаясь к новым призракам, – а вы кто такие?»

Но призраки исчезли, растворились в воздухе, словно пар, поднимающийся над чашкой с горячим кофе.

Похоже, лекарства не действуют.

Да!

Он прочел газетные новости и не нашел ничего такого, что привлекло бы его внимание. Выпив две чашки кофе, он дважды посетил туалет (что было обычным делом). И ни разу не взглянул в зеркало.

Потом он принялся делать гимнастику тайцзи на заднем дворе. Прохладный воздух нес все типичные запахи большого города, но все же это был не удушающий смог, изводивший жителей Пекина, чьи страдания запечатлела газетная фотография с тремя проколами, висящая на стене в жилище Кондора. Его ладони, описав полукруг, сошлись почти вплотную перед грудью – это была поза концентрации.

Когда-то, еще в годы обучения, Виктор говорил ему: «Сила идет от бедер».

Он лежит на спине и мощно двигает бедрами, раз за разом входя в сидящую на нем Уэнди. Она говорит: «Они солгали тебе. Я получила пулю в голову». Потом, закрыв глаза, шепчет: «У тебя получилось. У тебя...»

Видение исчезло. Ее нет, сказал Вин сам себе.

И все же было приятно увидеть ее снова. *Кем бы она ни была.*

Следующее воспоминание застало Кондора в душе. Уэс. Майора морской пехоты звали Уэс. Уэнди и Уэс. Уэнди уже давно погибла к тому моменту, когда Уэс... когда Уэс...

Воспоминания оборвались. Стоя в ванной в клубах пара, Кондор вдруг подумал о том, до чего же это приятно – бриться с помощью собственной, купленной им самим пены для бритья, своей личной бритвой, а не синим одноразовым скребком над раковиной в общем

туалете, да еще под присмотром двоих надзирателей, которые, впрочем, были далеко не такими крутыми, какими себя считали. Он подумал, не изменить ли ему дозировку антидепрессантов – если только принимаемые таблетки действительно были антидепрессантами.

Нет. Теперь уже слишком поздно давать задний ход.

Он соскоблил бритвой с пилюль целые две трети их изначального объема.

Потом надел чистую футболку, а поверх нее – голубую рубашку. Все брюки у него были черного цвета – это избавляло от колебаний при выборе и необходимости следовать требованиям моды. Серые носки. Черные туфли, отлично подходящие для бега и для нанесения ударов.

Спустись вниз. Послушай радио. Посмотри на стену секретов.

Ничего. Ровным счетом ничего. Никаких озарений.

– Вот дерьмо! – произнес он в пустоту.

Вчера синоптики обещали солнечный день, а на улице шел дождь. Сегодня, наоборот, прогноз предсказывал дождь, а за окном всюду светило солнце. Он подумал, не надеть ли ему черную кожаную куртку. Специалист по обустройству и внедрению как-то сказала ему, что она чересчур бросается в глаза и привлекает внимание, поскольку выглядит слишком эффектно.

– Ну да, как же, – иронично ответил он тогда.

Она решила не настаивать на своем.

Тем не менее в итоге в это утро Кондор решил надеть серый шерстяной спортивный пиджак.

Выйдя из дома, он запер дверь и пешком отправился на работу. Был вторник, 7:42 утра.

На углу Одиннадцатой улицы и Индепенденс-авеню его облаяла собака, принадлежавшая жившей по соседству сумасшедшей тетке. Повернув налево, Вин двинулся в обратном направлении той же дорогой, которой шел накануне вечером и по которой ходил до этого сотни раз...

Париж. Хартвелл всего в шести футах от него на противоположной стороне улицы. Рядом посольство США, но он не может туда обратиться. Он никогда не сможет этого сделать, и посольство никогда не предоставит ему убежища. Хартвелл хищно пожирает его глазами и громко кричит: «Я знаю, кто ты такой, ублюдок!»

А сейчас он в Вашингтоне, у дверей Адамс-билдинг – огромного, похожего на замок сооружения. Перед ним дежурный полицейский в белой рубашке, охраняющий вход в Библиотеку Конгресса, с медной бляхой на груди, на которой выбито его имя – Скотт Брэдли.

На поясе у полицейского кобура с пистолетом калибра девять миллиметров, которым он, Кондор, при желании может завладеть.

Но делать этого не следует.

– Привет, Вин, – поприветствовал его офицер полиции по имени Скотт Брэдли.

Кондор улыбнулся ему так, словно этот день был совершенно обычным. Вынул все из карманов, выгрузил в пластиковый контейнер, прошел сквозь рамку металлоискателя. Устройство не издало ни звука. Он собрал свои личные вещи из контейнера и направился к лифтовой площадке. Нажал кнопку с надписью «вниз». И только после этого оглянулся и посмотрел на открытый дверной проем, в котором стоял офицер Скотт Брэдли, занимавший первую линию обороны. Призраков он не увидел.

«Как будто Брэдли с медной бляхой на груди может остановить их», – усмехнулся про себя Кондор.

Называйте его Кондор. Называйте его Вин.

В лифте, спускавшемся вниз, он был один.

Его офис располагался за прикрывающей вход на подземный этаж массивной стальной плитой. Он набрал на цифровом замке нужную комбинацию, и панель поехала в сторону.

В ту же секунду комбинация вместе с его закодированным именем отправилась в компьютеры отдела внутренней безопасности, в том числе принадлежавшие лысому Питеру и Фэй – женщине, которая могла бы стать дочерью Вина, но не была ею.

Он посмотрел на часы – 7:58 утра. До срока оставалось порядка двух часов.

«Если только мне повезет», – подумал Кондор.

Он задержался на некоторое время на пороге своего подземного кабинета. Затем достал с полки шкафа изготовленный в специальной мастерской резиновый клин. Раскрыл дверь максимально широко и зафиксировал ее с помощью клина, чтобы видеть все, что происходит на площадке перед входом. Затем включил компьютер и вошел в свой профиль.

Другие сотрудники Библиотеки Конгресса называли это помещение *Могильной пещерой*.

В свое время уборщики помогли ему передвинуть исцарапанный стальной стол таким образом, что сейчас, когда он сидел за ним, ни компьютер с ограниченным доступом, расположенный слева от него, ни стеллажи с бумагами справа не ограничивали обзор, что позволяло сразу же заметить любого входящего и даже проходящего мимо.

Восемь утра. Он в Могильной пещере. Остается два часа.

Вдоль стен стояли доходившие ему до груди шкафы, сделанные из массива сосны. Кондору нравился исходящий от них запах сосновой древесины – он заглушал и поглощал запахи плесени и пыли от книг и документов.

Книги.

В сосновых шкафах их было полно.

Книги из разукomплектованных библиотек военно-воздушных баз. Из больниц, где лежали ветераны. Из Германии, на территории которой больше не было войск Советского Союза. Из библиотек демонтированных баз межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен», которые располагались в степях на севере страны. Из тайных тюрем, где всюду использовались пытки и откуда никому и никогда не удавалось бежать. Из законспирированных центров обучения ЦРУ. Книги, захваченные в качестве трофеев во время атак на лагеря террористов. Книги, когда-то принадлежавшие погибшим сотрудникам разведывательных ведомств.

Впрочем, это были не просто книги. Точнее, не какие попало.

Романы. Сборники рассказов. Сценарии. Томики стихов, которые, возможно, никто даже не открывал. Такой литературы, в которой описывались не реальные события, а нечто такое, что *могло* случиться на самом деле, было целое море.

Исторические исследования, технические инструкции, биографическая литература, многочисленные справочники «как сделать то-то и то-то», откровения авторов произведений, легших в основу рейтинговых телесериалов, где они утверждали примерно одно и то же – *то, о чем я написал, было на самом деле*, похожие друг на друга пособия по аутотренингу и самомотивации – все это просматривалось специальной службой и исчезало где-то в других отделах, на других полках.

Все, что попадало в состоящую из одного зала Могильную пещеру, являвшуюся лишь крохотной частью Библиотеки Конгресса, было продуктом художественного творчества.

Разумеется, случались и *накладки*.

Несколько раз Кондор, вскрывая ящики с вновь поступившими материалами, наталкивался на альбомы старых пластинок в картонных обложках. Пластинки были изготовлены в прошлом веке из черного, как нефть или уголь, пластика. Однако в подавляющем большинстве жилищ американцев не было устройств, позволяющих прослушать их, – технология шагнула слишком далеко вперед. Когда он разглядывал их, в его памяти иногда всплывало нечто забытое, но удивительно знакомое, хотя он и не мог понять, откуда именно. Время от времени он вырезал ножницами фотографии, изображенные на обложках пластинок, и,

спрятав их за поясом, проносил через охрану, чтобы пришить дома на стену рядом с вырезками из газет и журналов, которые также напоминали ему о чем-то и тоже были сделаны и вынесены тайком.

Временами контролеры, вместо того чтобы просмотреть очередную порцию журналов, попросту выбрасывали их в мусорную корзину. Так к Кондору попала карикатура из архивного номера какого-то сатирического издания, вышедшего в свет в 1968 году, когда на улицах Парижа и Праги происходили политические события, которые можно было квалифицировать как революции, и, кроме того, бурлили Мехико и Мемфис, штат Теннесси. Однажды, через два месяца после своего освобождения из секретного заведения для душевнобольных, Кондор наткнулся на целую пачку журнала «Плейбой». Многие снимки, на которых были изображены полуобнаженные и обнаженные женщины в макияже, были вырваны, но не все. Одна из оставшихся привлекла его внимание. Это была цветная фотография размером в четверть журнальной полосы. На нем красавица в стиле 1970-х стояла, слегка облокотившись на спинку кровати из медных трубок. Зеркало, висевшее на стене позади нее, отражало рассыпавшиеся по плечам волосы темно-медового цвета. Талию красавицы охватывал пояс с резинками, поддерживавшими чулки. Ниже в зеркале были отчетливо видны округлые, идеальной формы ягодицы. Длинные стройные ноги женщины были обуты в черные туфли на невероятно высоких, кинжальной остроты каблуках. Лифчик почти не прикрывал полную грудь. На губах женщины застыла широкая улыбка, однако глаза, устремленные в объектив, были серьезными.

Кондор прикрепил это фото к стене на значительном расстоянии от вырезанной им из газеты репродукции картины какого-то художника с изображением другой женщины – черноволосой, в синей блузке без рукавов и с розовым бесформенным пятном на месте лица.

Один образ таит в себе очень много, другой – очень мало или вообще ничего. Расстояние между ними может свести тебя с ума.

И все же он выкрал обе вырезки и повесил их на стену, сделав в каждой по три крохотных отверстия, что означало: *обратить внимание!*

Но его работа состояла не в этом. От Кондора требовалось, чтобы он, осмотрев книги, быстро рассортировал их.

Тележка «А» отправлялась в постоянное хранилище.

Содержимое тележки «Б» – в специальную машину, которая превращала книги в сырье для целлюлозно-бумажной промышленности.

Кондор однажды уговорил сотрудников транспортной службы взять его с собой, чтобы посмотреть, что происходит с отбракованной литературой. В результате ему пришлось в течение тридцати семи минут трястись на сиденье грузовика рядом с двумя потными здоровяками, которые говорили о футболе, а сами с нетерпением ждали момента, когда же придут на место и смогут наконец закурить, – сделать это в кабине грузовика им мешало присутствие непонятно зачем навязавшегося им в компанию незнакомца. Над свалкой, куда они в конце концов приехали, летали стаи чаек. Кондор не мог не признать, что с точки зрения экологии места для установки машины по уничтожению бумажных отходов лучше не найти. На глазах у Кондора книги, которые он бросил в тележку «Б», свалили в зеленую стальную емкость, полили химикатами и измельчили с помощью специального механизма. Затем полученной массой должны были наполнить особые чаны, погрузить их на другие машины и вывезти куда-то еще, чтобы в конце концов превратить... *А вот интересно, во что?*

Правила запрещали Кондору оставлять для отправки в хранилище более одной тележки «А» в неделю.

Ему было морально очень тяжело нагружать тележку «Б» обреченными на уничтожение книгами. В полном соответствии с указаниями, он внимательно просматривал их страницы, пытаясь отыскать свидетельства того, что тот или иной конкретный экземпляр служил

ключом для зашифровки и расшифровки сообщений. Искал пометки в тексте и на полях, которые, возможно, были сделаны агентами, и секретные документы, засунутые между страниц и забытые там. Он размышлял над тем, какова вероятность обнаружения чего-либо подобного в старых романах, сагах о вампирах, полицейских детективах, книгах, написанных в жанре научной фантастики или фэнтези. Книга могла заслужить спасение, обнаружив специфические признаки того, что ее так или иначе использовали в разведдеятельности, что у нее, как и у Кондора, есть свои секреты.

Каждый день Кондор открывал все новые и новые прибывающие ящики.

– Вы – читатель, – сообщила ему специалист по внедрению. – Считайте, что вы выполняете свое первое разведывательное задание.

– Вы хотите сказать, что это не ЦРУ устроило меня сюда и что люди из управления не знают, где я?

Специалист по внедрению улыбнулась, после чего помогла ему заполнить на компьютере личную анкету сотрудника Библиотеки Конгресса.

Сейчас, сейчас!

«Сейчас так сейчас», – ответил он новым призракам. Был вторник, и он сидел за своим столом неподалеку от раскрытой двери в Могильную пещеру. В 9:51 он бросил в корзину «Б» роман о стрелке с Дикого Запада, вернувшемся в свой родной городок, и посмотрел в дверной проем.

Он ждал.

Где-то за стеной, слева от него, в коридоре раздалось цоканье каблучков. Оно звучало все громче, шаги явно приближались.

Ну что ж, вот и она.

Ты уже был здесь раньше.

Чтобы добыть хоть какие-то сведения о ней, пришлось немало поработать. Но чем больше знаешь, тем больше нуждаешься в дополнительной информации. Ей пятьдесят три года. Она родилась в Год дракона. Никогда не была замужем, не имеет иждивенцев. *Все это не имеет смысла.* Проработала в Библиотеке Конгресса восемнадцать лет плюс три года по обмену в Смитсоновском институте. Согласно резюме, первым местом ее работы был аппарат сената американского Конгресса. Она пробыла на должности референта пять лет. В то время она была молодой и симпатичной. Когда она, направляясь в офис, цокала каблучками по тротуару, пассажиры проезжающих мимо такси бесстыдно пялились на нее и посвистывали. Сейчас она живет в съемной квартире. За время работы в Библиотеке Конгресса ее дважды повышали в должности.

Вот она появляется перед открытой дверью.

Светлые волосы, седеющие у корней и образующие на лбу небольшой выступающий треугольник, который почему-то называют «вдовий мысок». Полная грудь в вырезе черного делового платья. Ярко-синий плащ, перекинутый через ремень висящей на плече сумки. Полнеющая талия, мускулистые от занятий йогой ноги в черных туфлях, обтянутые черными чулками, мерно раскачивающиеся при ходьбе руки. Прямоугольной формы лицо, загорелая, смуглая кожа, прорезанная довольно глубокими мимическими морщинами. На губах никакой помады. Взгляд устремлен прямо вперед.

Не обратив на Кондора никакого внимания, женщина миновала дверной проем и исчезла из виду.

Снова цоканье каблучков по полу – на этот раз удаляющееся. Шум лифта.

А ты продолжаешь неподвижно сидеть за столом.

Опять.

Сейчас или никогда.

Резко повернувшись во вращающемся кресле, Вин выскочил из Могильной пещеры как раз вовремя, чтобы увидеть, как закрылись двери лифта. Его пальцы лихорадочно забарабанили по медной кнопке вызова. Бросив взгляд на табло над дверью лифта, Вин увидел, как на нем зажглась буква G – индикатор этажа.

Двери второго лифта разъехались в стороны. Прыгнув в кабину, Вин нажал на нужную клавишу.

Вон она! Проходит кордон безопасности. Надевает ярко-синий плащ.

Приблизившись к ней и к группе ее коллег, Вин услышал, как она сказала: «Ненавижу холод».

Она выходит на улицу через высокую узкую дверь черного хода.

Оказавшись на улице и вдохнув всей грудью прохладный весенний воздух, Кондор увидел, как женщина свернула направо в конце подковообразного проезда, ведущего к Адамс-билдинг.

Никакой белой машины, припаркованной на другой стороне улицы, не было и в помине.

Ты не видишь их, потому что они хорошо умеют прятаться на городских улицах.

Она направилась к Пенсильвания-авеню с ее многочисленными кафе и барами.

Вин последовал за ней, стараясь не бежать. Он знал, что должен действовать именно так, независимо от того, что сумеет вспомнить.

Сократи дистанцию. На светофоре перекрестка, к которому подошла женщина, загорелся белый разрешающий знак «ИДИТЕ», а для тебя – оранжевый «СТОЙТЕ». *Вот черт!* До женщины в синем плаще всего пятнадцать – двадцать метров. Она пересекает Пенсильвания-авеню и открывает дверь в кафе «Старбакс». Звякает дверной колокольчик.

«Кофе, – подумал Вин. – Она собирается выпить кофе».

Вокруг седовласого мужчины, неподвижно стоящего на тротуаре, бурлила толпа. Многочисленным прохожим, среди которых было немало туристов, приходилось обходить его. Он представлял собой идеальную цель.

Вин открыл дверь в «Старбакс». Над его головой снова тренькнул колокольчик.

Десять часов – самое подходящее время для чашки кофе. Однако интересующая его женщина все еще стоит в очереди у прилавка.

Она бросила на него взгляд сапфирово-синих глаз и сказала:

– Иногда кажется, что если немедленно не выйдешь из четырех стен на улицу, просто сойдешь с ума.

– Мне в таких случаях хочется кричать, иногда я так и делаю. Но это не помогает, – тихо ответил Вин.

– Вы ходите вокруг меня кругами уже пять месяцев – и это все, что вы можете мне сказать?

Кофейная машина издала громкое шипение.

– Человек говорит и делает то, что может сказать или сделать.

– И получает то, что может получить. – На губах женщины мелькнула печальная улыбка. – Неплохо.

– Что вы видите в тех старых фильмах, которые каталогизируете для библиотеки?

– То, чего не видите вы, – тихонько произнесла женщина.

По другую сторону прилавка возникла молодая смуглая девушка в белой блузке и зеленом переднике – бариста – и направилась к ним. Девушка бежала в США из Сальвадора, спасаясь от террора ультраправых эскадронов смерти. Здесь, в Америке, девушка боялась интернациональных банд, сколоченных мигрантами, в особенности той, которая называлась «МС-13» и хозяйничала в районе, где она теперь проживала вместе с семьей. Этот район находился в пяти милях от кафе «Старбакс» на Капитолийском холме, в котором она

работала. Банда имела свой веб-сайт и использовала «Фейсбук» для поиска потенциальных жертв и добровольцев, желающих к ней присоединиться. Обращаясь к белой американке, которая потратила немало денег на то, чтобы оставаться блондинкой, девушка сказала:

– Вот ваш капучино, мэм.

При слове «мэм» на губах женщины снова появилась улыбка – на этот раз другого оттенка. Она взяла из рук девушки исходящий паром картонный стакан и направилась к дверям.

Затем, обернувшись, посмотрела на мужчину, который, стоя на месте, наблюдал за ней.

– Так кто же вы такой? – поинтересовалась она.

– Как насчет того, чтобы называть меня Вин?

– Вин, – повторила женщина.

Он пожал плечами.

– В том, что я только что сказал... Словом, я не совсем прав.

– Подобные признания меня давно уже не впечатляют.

– Я вовсе не стараюсь произвести на вас впечатление. Просто пытаюсь быть как можно ближе к правде, – сказал он, глядя в ее синие глаза. И добавил: – Иногда крик дает человеку возможность понять, что он еще жив.

Сапфировые глаза моргнули.

– Вин, – задумчиво произнесла женщина. – Хм.

Затем она повернулась и вышла из кафе, звякнув дверным колокольчиком.

– Могу я что-нибудь сделать для вас, сэр? – спросила девушка за стойкой профессионально предупредительным тоном.

– Налейте мне того же, что и ей, – ответил Вин, решив не преследовать блондинку, чья работа состояла в том, чтобы смотреть кино.

Инстинкт подсказывал ему, что в данном случае, перегнув палку, можно остаться ни с чем.

Кроме того, если за ним действительно ведется наблюдение, его появление на улице в ее обществе привлекло бы внимание и к ней.

Джизель, одетая в черное, стоит за окном «Старбакса», прижав лицо и руки к стеклу, и отчаянно кричит.

Кондор не мог понять причину, но его вдруг захлестнуло чувство вины.

Бариста вернулась к стойке с белым картонным стаканом и, еще не успев осознать, что перед ней никого нет, сказала:

– Вот ваш кофе, сэр.

Тут только до нее дошло, что странный мужчина исчез.

Знакомые тротуары, на которых теперь было гораздо меньше людей, снова привели его в Могильную пещеру. Он съел ланч в кафетерии библиотеки, надеясь, что увидит женщину на ее обычном месте за столиком, но в глубине души уверенный, что ее там не окажется, – и это предчувствие оказалось верным. Затем весь остаток дня он просидел в своем кабинете, наблюдая за коридором через открытую дверь. В пять часов он вышел на площадку перед Адамс-билдинг.

Никакой белой машины.

Никаких новых призраков.

Серый шерстяной спортивный пиджак оказался хорошей защитой от вечерней прохлады. Ноги в черных туфлях сами понесли его домой. Его то и дело обгоняли машины, проезжавшие по Индепенденс-авеню. Фары большинства автомобилей уже горели, хотя до наступления темноты было еще довольно далеко. В воздухе пахло весной. Никакой группы захвата, никого на хвосте, никаких снайперов на крышах, *никакой белой машины*. По крайней мере сейчас. Но вчера она была.

Конечно, была. В этом нет никаких сомнений.

Зеленый лист, заранее прикрепленный к верхней части косяка, спланировал к его ногам, когда он открыл дверь цвета морской волны.

Так и должно было быть – при условии, что ему ничто не угрожало.

Кондор вошел в гостиную, закрыл за собой дверь и сразу же понял, насколько иллюзорным было его ощущение безопасности.

Лысый секретный агент по имени Питер сидел на полу рядом с камином, безвольно уронив голову на грудь. Его руки были широко вытянуты в стороны над зевом камина, кисти припилены к облицовке ножами из принадлежащего Кондору кухонного набора.

Кровь пропитала белую рубашку мертвого агента под спортивным пиджаком и коричневым плащом.

По всей видимости, перед тем как приколоть руки Питера к камину, убийца перерезал агенту горло – об этом достаточно ясно говорил багровый разрез над самым узлом мокрого от крови темного галстука.

Распяв свою жертву, неизвестный выколол ей глаза. Точнее, не выколол, а вырвал из глазниц.

Обычный клерк, вернувшись в обычный вторник с работы, обнаруживает у себя дома окровавленное тело секретного агента с руками, приколотыми к камину кухонными ножами. Этого клерка можно называть Вином, а можно Кондором. Однако все-таки вряд ли его можно считать типичным офисным работником.

Вин внимательно взгляделся в лицо распятого мертвеца. Рот убитого был широко раскрыт, на месте глаз чернели дыры.

На щеках Кондор увидел еще не высохшие багровые следы недавно пролитых слез.

Глава 8

«...медленный парад страхов...»
Джексон Браун. «Доктор Мои Глаза»

Для Фэй, направлявшейся через площадь к комплексу «Z», это весеннее утро вторника было чудесным. Она собиралась ворваться в Чистилище и...

Внезапно в поле ее зрения возник коренастый загорелый черноволосый мужчина.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Фэй.

Оба знали, что если бы на них не были направлены объективы камер наблюдения комплекса «Z», она бы крепко обняла внезапно появившегося на ее пути крепыша, которого знала как Сэми.

– Рад тебя видеть, Фэй, – сказал Сэми и по-отечески улыбнулся ей. – Не хочу тебя задерживать – как бы ты не опоздала.

– Не беспокойся. Я скажу, что бегала сегодня дольше обычного.

– Это в самом деле так?

– Нет, – ответила Фэй, которая в это утро вообще отказалась от пробежки.

– Ты можешь сказать, что случайно встретила меня. Это вполне правдоподобно, а ты совершенно чиста – к тебе больше нет никаких нареканий.

– Значит, мне не нужно больше ходить в Чистилище? Я снова в обойме?

– Есть разная степень слова «чиста», понимаешь?

– Значит, ты здесь не из-за меня?

– К сожалению, нет. – Собеседник Фэй окинул площадь внимательным взглядом. – Ты помнишь ТРР?

– Тренировки в реальном режиме. Конечно, помню.

– Такие вещи себя оправдывают. Так было и до Бостона, а уж теперь и подавно. День, взятый наугад. Общий сигнал тревоги. Ты летишь туда, где что-то должно произойти. Полная мобилизация в течение каких-то нескольких часов. Но беда в том, что настоящие бомбы взрываются не там и не тогда, где и когда мы этого ждем. И плохие парни ликуют. – Сэми вздохнул. – Что ж, по крайней мере я столкнулся с самой очаровательной из моих коллег.

– Если бы не камеры, – улыбнулась Фэй, – я бы тебя сейчас уронила.

– ВИП, – ухмыльнулся Сэми. – Всегда имей прикрытие.

«Ну же, рискни», – подумала она, когда они шли по направлению к зданиям, а вслух сказала:

– Ты ведь здесь уже довольно давно.

– Не надо напоминать мне о временах, когда я был ребенком и жил в Бейруте.

– Слухи, версии, всевозможная болтовня – ты ведь во всем этом как рыба в воде.

Сэми остановился в трех футах от двери в стене из бронированного затемненного стекла, в котором отражались он сам и молодая женщина с короткой стрижкой, в брюках и удобных туфлях на низком каблуке.

– Есть только три типа людей, которые восприимчивы к лести, – заговорил он. – Это мужчины, женщины...

– ...и дети, – закончила за него Фэй. – К счастью, я разговариваю не с ребенком. Понимаешь, ходят слухи о каком-то агенте, который был захвачен на территории, где не должен был появляться, и вызвал на себя удар беспилотника.

– Мы шпионы, Фэй. А это значит, что мы, помимо прочего, занимаемся и распространением слухов.

– Перестань, Сэми. Ведь это я задаю тебе вопрос, а не кто-то другой.

– Не знаю, что именно ты слышала, – сказал ее друг и бывший начальник, – но такие вещи случаются. Старайся не думать о том, что этот парень скорее всего превратился в еще одну безымянную звезду на стене памяти в Лэнгли. Думай о том, что он, возможно, остался жив и получил Почетный орден Конгресса. Хотя он скорее всего погиб. Или сошел с ума.

Сэми дотронулся до руки Фэй. Это был жест более опытного коллеги, стремящегося защитить более молодого. Легкое, почти неощутимое прикосновение, в котором не было и тени сексуального подтекста.

Он заглянул в зеленые глаза Фэй.

– У тебя есть какие-то особые причины, чтобы задавать подобные вопросы?

– Не уверена, – призналась Фэй. – Пока только предположения. Если бы я точно знала, что они обоснованные, не стала бы играть в прятки, сразу рассказала бы все, как есть.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – сказал Сэми, открывая ей дверь.

Точно так же он открыл перед ней дверь в тот день, когда с Фэй проводили беседу в звуконепроницаемом плексигласовом помещении сенатского комитета по разведке. В какой-то момент Сэми отвел взгляд от сидевших за столом напротив него двух сенаторов и заместителя директора ЦРУ, посмотрел на Фэй и сказал:

– Могу я попросить вас выйти?

После этого он встал и распахнул перед ней дверь.

Она покинула «аквариум», в котором не было ни одного окна. Оглянувшись, Фэй увидела Сэми и еще троих незнакомых ей мужчин, которые должны были решить ее судьбу, и эта картина врезалась ей в память навсегда.

Потом, посмотрев налево, она заметила его. Он стоял у стойки кафе, держа в руке белую пластиковую чашку.

Она видела его только что – он был одним из пяти сотрудников аппарата сената, также присутствовавших на начальной стадии встречи с участием Сэми, представителя руководства разведсообщества и двух сенаторов – одного от республиканцев, другого от демократов. Это было секретное оперативное совещание, посвященное сложившейся в Париже ситуации. Минут через двадцать его и остальных административных сотрудников верхней палаты Конгресса выставили за дверь, и в помещении остались Фэй, Сэми, двое сенаторов и профильное начальство. После этого представители законодательной власти были ознакомлены со сверхсекретной информацией о кровавых событиях на вымощенной брусчаткой улице французской столицы.

«Меня, в конце концов, тоже попросили удалиться», – подумала Фэй.

Она посмотрела на сотрудника сенатского аппарата. Обыкновенный мужчина – высокий, светловолосый, в сером костюме, примерно ее возраста.

К черту его и к черту докторов. Мне нужен кофе.

Он не посторонился, когда она положила долларовую бумажку в белую пластиковую чашку, стоящую рядом с кофейной машиной, и налила себе горячего темного напитка. Мало того, он сделал шаг вперед, приблизившись к Фэй. Она, не веря металлодетекторам, установленным у входа, впиалась в него пристальным взглядом, пытаясь угадать очертания спрятанного под одеждой оружия, и увидела, что у него в чашке не кофе, а вода.

Надо было признать – от него приятно пахло. Фэй, пережившая сильное нервное напряжение, вспотела и от души надеялась, что духи с запахом лилий скроют это.

– Ну, – сказал мужчина, – и о чем вы там говорили?

– *Вы это серьезно?*

– Я знаю, что вы из ЦРУ, поэтому должен был сказать что-то шокирующее, чтобы получить более или менее правдивый ответ, – сообщил собеседник. – Потому что, если бы я хотел поговорить о каких-то безобидных вещах, то мы поболтали бы о чем-нибудь обыкновенном

– например, я стал бы расспрашивать вас, к какому лагерю принадлежали ваши родители – к фанатам «Роллинг стоунз» или «Битлз».

– Вы уже начали вашу безобидную болтовню?

– Я надеялся, что это будет *наша* болтовня, но в принципе да. Что еще вам сказать?

– Вы что, пытаетесь ко мне подъезжать?

– Боюсь, если бы я попытался к вам подъезжать, вы сломали бы мне руку местах в шести.

– Пожалуй, только в двух.

– Спасибо за сдержанность. – Он поднял обе руки, и в его голубых глазах промелькнула улыбка. – Нет, пока что я не подкатывал к вам, но, *per se*¹, начинаю чувствовать соблазн сделать такую попытку.

– *Per se*?

– Извините, когда я нервничаю, я начинаю говорить довольно странно.

– Значит, это я заставила вас нервничать?

– С того самого момента, когда я вас увидел.

– Что ж, это, пожалуй, неплохо.

– Все дело в том, как вы стояли. И сейчас стоите. Сразу видно, что вы здесь, на земле, а не витаете в облаках. В вас чувствуется решимость и способность противостоять обстоятельствам, какими бы они ни были. – Он помахал рукой извиняющимся жестом. – Ну, а теперь можете меня прогнать.

– Как я понимаю, вы решили меня завербовать.

– Есть такая идея. Вы играете в алтимат?

– Что это?

– Алтимат фрисби. Похоже на просто фрисби. Но с резиновыми дисками. Это спорт для наркоманов.

– А вы что, наркоман? И думаете, что я – тоже?

– Я – федеральный служащий, которого могут в любой момент без предупреждения подвергнуть тесту на употребление запрещенных веществ. Это простая игра. Бросашь тарелку, бежишь, ловишь тарелку. Никакого физического контакта с другими игроками. Но чертовски увлекательно. Затягивает.

– Правила, я вижу, в самом деле несложные.

– Не правила. Кодекс чести, – сказал мужчина.

– Похоже на времяпрепровождение для студентов-второкурсников.

Собеседник Фэй сделал жест головой в сторону помещения, где проходило секретное заседание и где в этот самый момент сенаторы, должно быть, хмурились, напуская на себя серьезный вид.

– Я здесь только тем и занимаюсь, что ношусь туда-сюда и ловлю все, что эти деятели бросают в воздух. И стараюсь сделать так, чтобы это стало чем-то реальным. Да, побегать, конечно, приходится. Но все же это приносит мне удовлетворение. И я уже давно не второкурсник.

– Насколько давно?

Не смотри в сторону комнаты совещаний!

И тут он засмеялся. Просто засмеялся – открыто, не таясь и не сдерживаясь. И сказал:

– Приходите, не пожалеете.

– *Что?*

¹ В себе самом (*лат.*).

– Завтра вечером в районе семи часов – если только на нас не обрушится неожиданная сентябрьская буря. Это в центре. Идите вдоль газона у восточного крыла Национальной галереи и попадете, куда нужно.

– Вы что, в самом деле хотите, чтобы я играла в этот ваш...

– Я хочу дать вам шанс.

– Какой вы заботливый.

Фэй залпом выпила горький кофе, бросила чашку в мусорную корзину – у нее не было больше сил притворяться, что ее вовсе не интересует то, что происходит в зале заседаний.

– Меня зовут Крис, – представился мужчина. – Крис Харви.

Фэй, не отвечая, повернулась и пошла к выходу из кафе.

– Могу я хотя бы узнать ваше имя? – крикнул он ей вслед.

Фэй даже не обернулась. Ее мысли витали вокруг совещания, которое должно было решить ее дальнейшую судьбу.

«И оно ее решило», – думала Фэй во вторник, семь месяцев спустя после этого, идя на работу в Чистилище. В это самое время Кондор, посетив кафе «Старбакс», шагал по пустынным тротуарам в свой офис.

– Вы не видели Питера? – спросила Фэй примерно у полудюжины коллег, встреченных ею в помещении Чистилища, пока шла к своему рабочему месту.

– Ты что, напарника своего потеряла? – насмешливо спросил Харрис и бросил на нее такой взгляд, словно знал что-то, что было неизвестно другим.

Он не стоит пули. Фэй включила свободный компьютер и запустила программу, которая в режиме онлайн отслеживала местонахождение агентов. Глядя на монитор, она нахмурилась. Затем прошла к кабинету руководителей отдела внутренних ресурсов и, заглянув в него, с порога поинтересовалась:

– А почему мой партнер сегодня утром не отслеживается?

Сидящая за столом женщина, которая настаивала на том, чтобы ее называли Пэм, пожала плечами.

– Вероятно, идет обработка какой-то информации. Или просто компьютерный сбой.

– Это как-то связано со мной? – спросила Фэй.

– А что, ты что-то сделала не так?

– Да нет. Вы же меня знаете, босс, – сказала Фэй, тоже недоуменно пожав плечами.

И, повернувшись, чтобы уйти, услышала, как начальница по имени Пэм пробормотала себе под нос:

– Нет, не знаю.

Нет, Фэй не собиралась учиться играть в алтимат фрисби вечером того самого дня, когда Сэми совершил чудо, прикрыл все задницы перед сенатским комитетом по разведке и добился того, что ее в итоге отправили в Департамент внутренней безопасности, в комплекс «Z». Но на следующий день она не смогла, просто не смогла усидеть в своей новой квартире в Бетесде, глядя, как осень засыпает желтыми листьями Вашингтон, к которому ей надо было заново привыкать.

Она вышла на вечернюю пробежку, что делала довольно часто, но на этот раз добежала только до ближайшей станции метро, а затем спустилась в подземку, села в поезд и сделала пересадку на голубую линию. Выйдя на поверхность, она издала разглядела игроков во фрисби на зеленой лужайке и направилась к ним. Среди них Фэй сразу увидела его, а он, тоже сразу заметив ее, остановился и стал внимательно наблюдать за ее приближением, из-за чего, прозевав, не поймал подачу. Чувствуя на себе его взгляд, она вынула что-то из-под своей спортивной фуфайки и переложила в рюкзак, надежно пристегнув его к дереву с помощью велосипедного замка.

– Она с нами! – радостно выкрикнул Крис.

Игроки расположились таким образом, что Фэй и Крис оказались напротив друг друга. Однако он не давал ей никаких поблажек, играя в полную силу. К счастью, после операции она совершала регулярные пробежки и делала много отжиманий и подтягиваний, благодаря чему была в неплохой форме.

– Значит, вот чем здесь люди занимаются? – спросила она, когда игроки перестроились и они оказались рядом.

– Какие люди? – переспросил он, тяжело дыша.

– Люди нашего возраста. Нормальные люди.

– Нормальных людей нет, – заявил он. – И вы это прекрасно знаете.

– Начали! – крикнул кто-то из игроков, и все снова забегали по зеленой траве под вечерним вашингтонским небом. В нескольких кварталах от них виднелся купол здания Конгресса на Капитолийском холме цвета слоновой кости, а с другой стороны, в какой-нибудь четверти мили высился Монумент Вашингтона, на верхушке которого мигали сигнальные красные лампочки.

У Фэй уже была наготове легенда, а в кармане лежали водительские права, выданные в штате Огайо, однако никто из игроков не обратился к ней с типичным для Вашингтона вопросом: «А вы чем занимаетесь?»

Фэй невольно подумала о том, что этим людям на какое-то время удалось вырваться из навязанной им реальности.

Из разговоров она поняла, что многие игроки были сотрудниками аппарата Конгресса, помощниками законодателей. Один, симпатичный молодой человек с кудрявой шевелюрой, работал в гигантской телекоммуникационной компании. Была среди любителей алтимат фрисби и официантка, мечтающая выучиться на юриста. Еще две женщины уже трудились в некой юридической конторе и были младшими партнерами. Им после игры предстояло вернуться на работу и вкалывать до полуночи.

Когда завершилась последняя партия, Фэй вместе со всеми отправилась на такси в небольшой ресторанчик, где подавали бургеры и пиво. Там она с любопытством понаблюдала за тем, как новый знакомый аккуратно, но решительно отделил ее от остальных и устроил все таким образом, что вскоре они уже сидели вдвоем за столиком в дальнем конце заведения, неподалеку от музыкального автомата, где никто не мог бы услышать, о чем они говорят.

– Неплохо вы сманеврировали, – сказала она ему. Крису. Крису Харви.

– Я старался изо всех сил.

– Это вас никуда не приведет.

– Вы хотите сказать, кроме того места, где мы с вами уже находимся. – Он пожал плечами. – Что ж, могло быть и хуже.

Когда Крис еще ходил в детский сад, его отец однажды ночью вышел из дома в сан-францисский туман и больше не вернулся. Через несколько лет новая семья, ради которой он бросил прежнюю, прислала Крису, который в это время уже учился в средней школе, а также его сестре и матери некролог, в котором сообщалось о смерти их отца и мужа. Из-за отсутствия финансовой поддержки со стороны родственников Крису во время обучения в юридическом колледже в Стэнфорде пришлось нарушать правила, регламентировавшие количество времени, которое он мог посвящать побочной работе, а она состояла в том, что он на рассвете развозил по магазинам выпечку на грузовике. Еще в его досье было упоминание об автомобильной аварии, после которой он скрылся с места происшествия, чего, конечно же, не следовало делать. И еще о нескольких драках в период летней работы в Калифорнии, которая помогала ему сводить концы с концами во время учебы в Университете Брауна. Упоминалось также «грубое» поведение по отношению к женщинам – без объяснения, в чем конкретно это проявилось. Возможно, это было как-то связано со случаем, когда он, взло-

мав дверь, проник в дом одного своего приятеля буквально за несколько минут до обыска, который собиралась устроить полиция, и смыл в унитаз все его личные запасы ЛСД. Приятеля сдала как дилера брошенная им и потому алчущая мести подружка, позвонив копам по сотовому телефону прямо при Крисе.

– Кстати, я был девственником до двадцати одного года, – сообщил он Фэй. – Мне хотелось, чтобы все было по-человечески.

– Где она сейчас и как у нее дела?

– Лучше, чем у меня. – Крис осушил до дна третью кружку пива, которая, по его словам, должна была стать последней. – А остальное вы, наверное, уже знаете – наверняка провели проверку и все выяснили.

– Такие вещи делают коллеги, которые вам чем-то обязаны, причем в неофициальном порядке.

– Готов биться об заклад, что для подобных проверок вам не нужны специальные разрешения.

– Верно, не нужны. – Фэй встала со стула и продела руки в лямки рюкзака, утяжеленного кобурой с пистолетом, которую она не стала надевать после игры. – Меня зовут Фэй Дозье, – сказала она.

– Это настоящее имя?

Она, не отвечая, улыбнулась ему и вышла на улицу.

На следующий день после встречи с Кондором у него дома Фэй все утро проработала в одиночку. Слово «утро», правда, в этом случае не следовало понимать буквально – агенты отдела внутренних ресурсов работали посменно, а смена Фэй началась с десяти часов. Она написала беспристрастный доклад, в котором объяснялось, почему Службе иммиграции следует пустить в страну соседей молодого человека, который три года проработал в качестве переводчика, помогая военнослужащим армии США в Афганистане, и за это время не только не совершил ничего предосудительного, но и несколько раз проявлял настоящий героизм. Все, чего хотел молодой афганец, – это жениться на девушке, которая жила в одном с ним кишлаке, и после этого зажить счастливой и свободной жизнью в Канзасе.

В 1:23 пополудни Фэй снова попыталась установить с помощью компьютера местонахождение Питера. Однако он по-прежнему не был на связи. При этом на мониторе высветилась еще и надпись «несанкционированный/необоснованный контакт не допускается».

Один из агентов, работавший в отделе относительно недавно, бывший бруклинский полицейский по имени Дэвид, сказал:

– Надеюсь, дело не в том, что его пригласили куда-нибудь выпить и побеседовать люди из отдела внутренних расследований. Ты ведь не стучала на него, верно?

– Мы не говорим «отдел внутренних расследований», – поправила его Фэй, не отводя глаз от монитора. – Мы говорим «отдел профессиональной ответственности».

– Вот как? Я не знал.

– Я разведчик, а не крыса, – коротко бросила Фэй.

Когда вечером первого понедельника после той знаковой игры в алтимат фрисби Крис Харви вернулся в свою съемную квартиру на Ю-стрит, он обнаружил женщину, которую знал как Фэй Дозье, стоявшую посреди его гостиной.

– Я вскрыла твои замки, – заявила она, пока он безмолвно хватал ртом воздух от удивления. – Могла бы устроить в твоей квартире обыск, но не стала – и не стану в дальнейшем. Все, что я скажу тебе, будет ложью. Того же самого я ожидаю от тебя.

Сентябрь выдался довольно холодным. На Фэй были грубые джинсы, старый свитер крупной вязки и зеленая нейлоновая куртка, которую она купила в Кандагаре. Она отстегнула поясную кобуру с недавно выданным «глоком» и водрузила ее на стопку романов, лежащих на диванной тумбе.

– Это я всегда ношу с собой, – сказала она.

Затем Фэй сбросила куртку и стащила с себя свитер. Она специально надела под него самый непривлекательный белый лифчик, который больше подошел бы для занятий фитнесом. Красная полоса шрама резко выделялась на белой коже.

– И это тоже, – сказала она. – Он большой, и ты не можешь его не видеть, так что с этим ничего не поделаешь. И хотя я здорова на все сто процентов, эта штука здорово меня мучает – морально.

Она испытующе посмотрела в его голубые глаза. Он не отвел взгляд. И все еще не произнес ни слова.

– Я могу сейчас уйти, – продолжила Фэй. – Просто уйти навсегда – и все. Не будет ни слез, ни сожалений – ничего. А могу остаться – и тогда мы сможем узнать, получится ли у нас что-нибудь.

Он пересек комнату, подошел к ней вплотную и обхватил ладонями ее лицо. А потом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.